

Kyrie Eleison

Владимир Стрельцов

ВЫЖИВАЯ-ВЫЖИВАЙ!

Kyrie Eleison

Владимир Стрельцов

Выживая – выживай!

«Издательские решения»

Стрельцов В.

Выживая – выживай! / В. Стрельцов — «Издательские решения»,
— (Kyrie Eleison)

ISBN 978-5-4498-6742-1

Властительница Рима. Герцогиня Сполетская, маркиза Тосканская, супруга итальянского короля. Убийца пап Иоанна X и Стефана VII. Любовница пап Сергия III, Анастасия III, Льва VI. Мать принцепса Альбериха. Мать и — о, ужас! — любовница папы Иоанна XI, бабка и —! — любовница папы Иоанна XII. Это все о ней. О прекрасной и порочной, преступной и обольстительной Мароции Теофилакт. «Выживая — выживай!» — третья книга серии «Kyrie Eleison» о периоде порнокрапии в истории Римско-католической церкви.

ISBN 978-5-4498-6742-1

© Стрельцов В.
© Издательские решения

Содержание

Эпизод 1. 1661-й год с даты основания Рима, 21-й год правления базилевса Льва Мудрого (июль 907 года от Рождества Христова)	6
Эпизод 2. 1661-й год с даты основания Рима, 21-й год правления базилевса Льва Мудрого (август 907 года от Рождества Христова)	13
Эпизод 3. 1661-й год с даты основания Рима, 21-й год правления базилевса Льва Мудрого (август 907 года от Рождества Христова)	22
Эпизод 4. 1661-й год с даты основания Рима, 22-й год правления базилевса Льва Мудрого (сентябрь 907 года от Рождества Христова)	26
Эпизод 5. 1661-й год с даты основания Рима, 22-й год правления базилевса Льва Мудрого (сентябрь 907 года от Рождества Христова)	32
Эпизод 6. 1661-й год с даты основания Рима, 22-й год правления базилевса Льва Мудрого (сентябрь 907 года от Рождества Христова)	35
Эпизод 7. 1664-й год с даты основания Рима, 24-й год правления базилевса Льва Мудрого (май 910 года от Рождества Христова)	45
Эпизод 8. 1664-й год с даты основания Рима, 24-й год правления базилевса Льва Мудрого (май 910 года от Рождества Христова)	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Выживая – выживай!

Владимир Стрельцов

© Владимир Стрельцов, 2020

ISBN 978-5-4498-6742-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КИРИЕ ЭЛЕЙСОН

KYR†E ELE SON

КИРИЕ ЭЛЕЙСОН. КНИГА 3. Выживая-выживай!

Эпизод 1. 1661-й год с даты основания Рима, 21-й год правления базилевса Льва Мудрого (июль 907 года от Рождества Христова)

Очередь за причастием, выющаяся нескончаемой лентой от пресвитерия Латеранской базилики, наконец, явила глазам папы римского свой хвост, и Верховный иерарх Католической церкви облегченно вздохнул. С самого начала дня папа испытывал ставшее уже привычным для него смятенное состояние души, совмещавшее в себе страх от предстоявшего очередного грехопадения и страстного желания это грехопадение совершить. Папа то преисполнялся искренним гневом на самого себя, на слабость своего духа, неспособного противостоять искушению, носившему все знаки дьявольского отличия, то мыслями уносился в умосозерцательную плоскость, смакуя подробности запечатлевшиеся в памяти. В общем, настроения и размышления понтифика были чрезвычайно далеки от должных и приличествующих во время мессы, и, к горю прихожан, навряд ли способны были в этот момент исполнить таинство пресуществления¹.

А все потому, что сегодня пятница и сегодня снова придет она, в компании еще нескольких подростков из богатых патрицианских семейств Рима. И папа вновь будет слышать ее звонкий смех, ее развязные разговоры со сверстниками, и будет страшно завидовать последним, что они вот так запросто могут говорить с ней. Далее, в течение нескольких часов он станет обучать всю эту шумную ватагу нудным премудростям чтения, письма и тайного смысла, заложенного в Священном писании, который непосвященной душе открывается с большим трудом и порой не в том ракурсе, в котором ее воспринимает Святая Церковь. Так кому же, как не ему, викарию Христа, наставлять на путь истинный тех, в ком Рим видел вершителей своей судьбы на ближайшие годы, когда они придут на смену своим стареющим родителям?! Папа сам несколько месяцев назад предложил римским патрициям свои услуги учителя, где, помимо несомненных благ учения, даруемых им, он в своих послушных учениках видел дополнительный источник информации о делах и настроениях в городе. А кто же может рассказать об этом лучше и полнее, чем прекрасная, как ангел, пятнадцатилетняя дочь консула, сенатора и судьи Рима, графа Тускуланского?!

Однако, с первых дней появления Мароции на папских уроках, понтифик как-то забыл о своих первоначальных планах относительно нее. Нет, он и раньше видел ее регулярно и, как известный ценитель слабого пола, давно заметил, какой дивный цветок распускается в саду Теофилакты. Но до поры до времени понтифик был целиком поглощен делами, должными укрепить пошатнувшийся авторитет папского трона, и, надо признаться, в этом значительно преуспел.

Прошло три года со дня вторичного изгнания императора Людовика с территории страны, которой он якобы управлял. Папе Сергию пришлось смириться с тем, что цель его хитроумных комбинаций так и не была полностью достигнута. Все, так или иначе, остались, что называется, при своих. Беренгарий снова был полноправным властителем Северной Италии и мало рассчитывал получить императорскую корону из рук неприязненно относившегося к нему папы. Император Людовик, проигравший больше всех, слонялся по своему замку в Арле, заново и исключительно с помощью осязания знакомясь с лабиринтом его стен. Теофилакты полноправно распоряжались светским Римом, даже несмотря на то, что Сергей заметно охладил к ним, после того как стало известно, кто именно расстроил все его планы в Вероне. Ну

¹ *богословское понятие*, используемое для смысла превращения хлеба и вина в Тело и Кровь Искупителя Христа во время мессы

и, наконец, Адальберт Тосканский по-прежнему оставался самым богатым сеньором на Апеннинах, вечным претендентом на свободные королевские троны, и его общества и дружбы искали абсолютно все.

И, в первую очередь, сам папа. Несмотря на то, что его планы насчет Адальберта в части добывания для того императорской короны так неожиданно расстроились, папа не постеснялся вытребовать у тосканского маркграфа значительную сумму для восстановления Латеранской базилики. Дополнительные средства дали также все без исключения патриции Пентаполиса, Тосканы и Сполето, всяк в меру своих возможностей. Восстановление храма продолжалось все эти три года, в результате чего не только была восстановлена обрушившаяся кровля, но и значительно, за счет двух дополнительных кораблей (нефов) расширен сам храм, а также обновлена мозаика абсиды. К великой печали папы и еще более великой печали спонсоров, значительные средства ушли не столько на обновление строительных конструкций церкви, сколько на закупку для нее расхищенных бессовестными грабителями реликвий. Папские послы активно скупали во всех уголках Италии мощи святых и суетные драгоценности, должествующие, соответственно, благостью и богатством своим прославить Создателя, Его церковь и заодно папу-реставратора. Увы, но многие сокровища Латерана пропали безвозвратно, и не было возможности эти потери восполнить, в частности, был навсегда утрачен огромный золотой крест, когда-то принадлежавший, по легенде, самому Велизарю.

Богатство – дело наживное, рассудил практичный Сергей, и посему его печаль не была особенно долгой. Напротив, весной 907 года папа Сергей ощущал себя триумфатором – Латеранская базилика, мать церквей христианских, вновь начала регулярно отправлять службы и папа решил покинуть Ватиканский дворец. Как и многие его современники, папа Сергей любил видеть во всем особые символы – в данном случае, своим переездом в Латеран, папа как бы подчеркивал завершение беспокойной и малодостойной эпохи, когда папы, правившие в Ватикане, сменяли друг друга по несколько раз в году.

Восстановление Латерана, вкупе с щедрыми милостынями плебсу, казалось, окончательно стерли из памяти римлян неблагоприятный факт участия Сергия в Трупном синоде. Лъстецы, коих при всяком дворе могущественного человека всегда великое множество, охотно распускали по городу слухи, что будто бы во время освящения Сергием стен Латерана в течение трех ночей не прекращалась страшная возня под стропилами заново отстроенной кровли – то слуги нечестивого в страхе покидали святые стены. Имя папы славили на всех улицах Рима и даже очевидно проявлявшиеся человеческие слабости понтифика вызывали у самых завзятых остряков достаточно добродушную реакцию.

Одной из этих слабостей папы, над которой острословы подтрунивали особо, было его чрезмерное внимание к лучшей половине человечества. Эта черта отличала Сергия на протяжении всей его выдающейся церковной карьеры. В свое время именно последствия одной неудачной любви привели его в лоно Церкви, где он обрел защиту от готовившегося расправиться с ним рогоносца-мужа. Осмотревшись в новой для себя среде, Сергей пришел к заключению, что сутана священника не только не претит заниматься любимым делом, но, напротив, у объектов его страсти вызывает, как правило, почтительное понимание. Очень скоро судьба его свела с будущим папой Стефаном Шестым, который, увидя в нем близкую по интересам и страстям душу, как мог, продвигал его по иерархической лестнице, а тот, в свою очередь, благодарно поставлял для своего важного и степенного патрона молодых, наивных и жаждущих спасения прихожанок. Впрочем, очень скоро святые отцы смекнули, что общение с прихожанками слишком рискованно и посему переключились на обитательниц монастырей, также как и они, связанных целибатом, а посему, также как и они, опасавшихся давать огласку нарушениям своего святого обета. Сергей стал постоянным визитером в женские монастыри Кампании и Тосканы, где во время хозяйственных ревизий, исповедей или просто душеспасительных бесед опытным глазом успешно отыскивал среди монашек сестер с неуспокоенной душой,

не забывая при этом о своем покровителе. Со всей определенностью понимая степень своего греха и неотвратимое грядущее наказание за него, Сергей всякий раз, поднимаясь на очередную ступень церковной иерархии, давал себе страшный зарок воздержания на новом, более ответственном посту. Но слабая натура рано или поздно давала сбой, и даже возложение на его чело епископской митры в Чере не воспрепятствовало очередным амурным похождениям, вызывавшим оторопь пополам с завистью у его клира. Живым напоминанием о своей буйной молодости для Сергея стал его сын Анастасий, которого ему родила одна из неосторожных монашек, скончавшаяся во время родильной горячки и поэтому так и не назвавшая никому имя отца своего ребенка. Спустя несколько лет Сергей забрал мальчика к себе и, не открывая тому своего отцовства, во всем помогал и опекал его, готовя Анастасия к служению Господу.

Во время папской коронации, проникаясь торжественностью момента, Сергей, вспоминая все свои пороки и заблуждения, в очередной раз, самой страшной клятвой поклялся не осквернять своими наклонностями святой трон Апостола Петра. Папа в принципе поступал как обычный человек, который, допустив грешок, начинает оправдывать себя стечением различных обстоятельств, тут же конструируя план мероприятий по заглаживанию вины и обещая подобного впредь не повторять. Однако, ответственная роль, которая была поручена ему Господом и миром, тем не менее, даже такого, как он, заставила до сего дня держать себя в режиме близком к аскетичному.

Самое большое, что мог позволить себе папа Сергей, идя навстречу своей грешной натуре, так это периодически приглашать монашек к себе во дворец, где слушая их ангельские песнопения, умильно разглядывать их одухотворенные личики и приветливо улыбаться тем, с кем он когда-то имел удовольствие свиданий. Но на этом теперь все и заканчивалось, монашки уходили прочь, получая от папы подарки, а сам папа запирался в своих покоях и некоторое время проводил в борьбе со своими соблазнами, негодуя на себя и ругая весь женский род, созданный для того, чтобы сбивать человека с пути истинного.

Вот и юная Мароция стала теперь очередным его испытанием на прочность и целомудрие. Из раза в раз, отправляясь на урок в свою библиотеку, папа приказывал себе быть предельно строгим и холодным к ней, но в ходе занятий вредный бес непременно подводил малодушного понтифика к ее столу, и папа, обычно под предлогом правильности письма или ведения счета, трепетно брал ее за изящную и легкую ручку, и, поправляя неверный слог или цифру, чувствовал, как от нее дурманяще пахнет восточными благовониями, которыми, видимо, заставляет пользоваться ее мать. Более прочих дисциплин он досаждал своим ученикам диктантами, ибо в эти моменты, когда головы подростков послушно склонялись к своим пергаментам, он мог беспрепятственно рассматривать Мароцию, восторгаясь черным ливнем ее волос, волнительными очертаниями фигуры и пытаясь поймать алчущим глазом тот редкий момент, когда под ее платьем вдруг шаловливо обнажится узенькая милая щиколотка. Сушим же испытанием, одновременно сладким и мучительным, для пастора христианского мира являлись его устные беседы с учениками. Его глаза, с первых же минут таких занятий устремлялись к потолку библиотеки и папа долго блуждал там взглядом, наивно ища спасения. Но вечно так продолжаться не могло – папа, собравшись с духом, опускал свой взгляд и первым же делом наткался, неизменно вздрагивая телом и меняясь в голосе, на два черных уголька ее насмешливых глаз. После уроков только ей и своему сыну Анастасию он дополнительно давал свое благословение и, целуя ее в лоб, ласково проводил рукой по ее непослушным черным кудрям. Анастасий и Мароция уходили прочь, о чем-то весело и оживленно болтая, а Его Святейшество завистливо смотрел им вслед до тех пор, пока они не скрывались в Латеранском саду.

Так продолжалось несколько недель и папа, по окончании уроков, уже начал тихо гордиться собой и силой своего духа, который не позволяет его бесам явно проявить свое отношение к дочери графа Тусколо. Однако лукавый готовил ему новое испытание.

Три недели назад он в очередной раз совершил напутствие своему Анастасию и Мароции и проводил их до сада, который единственный из всего хозяйства в Латеране сохранял в себе следы недавнего запустения, бесконтрольно разрастаясь по всему внутреннему двору. Длинный июньский день находился в самой середине своего пути, каменные улицы Рима дышали жаром, а здесь в стенах Латерана сохранялась благодатная прохлада. Внутри двора было пустынно, слуги отдыхали после обеда, несчастная стража жарилась вне стен дворца. Сергей, в очередной раз справившийся со своими страстями, пребывал в чудесном расположении духа и решил вместо традиционного короткого сна перед вечерними службами прогуляться вдоль галерей, обрамлявших сад.

Здесь, хвала Господу, было также нежарко, Сергей даже мысленно поблагодарил древних строителей-язычников за их умение возводить такие комфортные сооружения, умение в десятом веке, увы, почти совсем утраченное. Он и до сего дня часто прогуливался вдоль колонн портика, любуясь буйной растительностью сада и наслаждаясь пением селившихся здесь птиц. Лишь западный портик двора не удостоивался чести принять на себя легкую поступь энергичного понтифика. Сергей, как и все люди его времени, был суеверен и поэтому никак не решался посетить то место, где десять лет назад неизвестными был убит его покровитель Стефан Шестой. Сергей неоднократно подходил к этому месту, сохраняя, тем не менее, почтительную дистанцию, и позволял своей фантазии рисовать вероятные картины этого злодейства.

Вот и сейчас Сергей приблизился к колоннам западного портика и мысленно прочитал молитву за упокоевание души погибшего папы. Внезапно его привлек легкий шорох, доносящийся из глубины зарослей сада. Поначалу он принял его за возню птиц, однако шорох повторился, и Сергию вроде бы даже померещился чей-то шепот. Могильный ужас охватил душу Сергия, и он, быстро крестясь, готовился было уже покинуть это место, однако благоразумие подсказало ему, что слуги Люцифера навряд ли готовят свои козни в святом месте, которое сам Сергей восстановил, освятил и которому вернул прежний почет в мире. Навряд ли в зарослях таятся и разбойники, двор со времен переезда сюда папы тщательно охранялся, а со стороны базилики попасть незамеченным в сад было решительно невозможно. В итоге любопытство мало-помалу пересилило страх.

Папа стал осторожно пробираться сквозь кусты акаций, лавра и цитроновых деревьев. Он еще пару раз услышал какое-то движение почти в самом центре сада, а спустя время его близорукие глаза узрели цветные пятна чьих-то одеяний. Он оглядел свое местоположение и нашел себя полностью скрытым от посторонних глаз. Шелест, шепот и как будто сдержанный смех до его ушей доносились уже практически непрерывно и папа, опустившись, – к дьяволу стыд, когда тебя съедает любопытство, – на четвереньки, прополз еще несколько метров и замер, обомлев от неожиданности.

В самом центре сада, на небольшой, со всех сторон окруженной зарослями лужайке, его Анастасий и Мароция, презрев всякий стыд и сомнения, самозабвенно предавались недостойному делу. Любовники, несмотря на жару, не избавились от своих одежд, очевидно, опасаясь быть застигнутыми врасплох. На земле они разостлали тунику Анастасия и теперь всячески подвергали ее унижению. Папа стоял на четвереньках, будучи не в силах оторваться от постыдного зрелища и чувствуя, как губит свою душу. Сердце его колотилось не менее бешено, чем у молодых людей, осквернявших своей страстью сад священного дворца. Он видел распахнутую рубаху Мароции и вместо того, чтобы, стыдливо отвернувшись, громко потребовать прекратить похабное действие, изо всех сил напрягал свое зрение, чтобы оценить красоту груди юной развратницы.

Любовники, наконец, расцепили свои объятия и легли на тунику, тяжело дыша и признательно глядя в глаза друг другу. Сергей, несмотря на то, что похоть овладела практически каждым атомом его души и тела, понял, что пора уходить. На мгновение его посетила здравая мысль явиться сей же час перед подростками и гневно изобличить их деяния, однако,

более суетно настроенная часть души подсказала, что любовники, возможно, уже не в первый раз используют этот сад для своих утех, а стало быть, все повторится через неделю, если им, конечно, не помешать. Папа осторожно отполз подальше от лужайки, поднялся на ноги и тихой мышью выскользнул из сада. Далее он зашагал по направлению к базилике, и ее величественные холодные стены равнодушно приняли истомленное тело и душу почтенного епископа, требовавшие немедленного остужения.

Через неделю все повторилось вновь. Сергей все эти дни пытался отговорить себя от посещения сада, успокаивая себя тем, что его сын со своей любовницей навряд ли рискнут повторить свое святотатство. Он также гневно корил себя за то, что отказался после увиденного поговорить, как того подобает, со своим сыном и отвратить его от погубления своей души. Все тщетно, неделя миновала, настала пятница – и в начале уроков папа Сергей помимо воли вздрогнул, увидев соблазнительницу своего Анастасия, входящую плавной походкой в библиотеку Латерана. В течение урока он так и не осмелился ни разу поправить руку Мароции, ощущая, приближаясь к ней, что его руки и весь он сам в ту же минуту покрываются липким, противным потом. Он не помнил, как он вел урок, речь его была сбивчива, и сам Анастасий, помогавший ему с обучением подростков, в какой-то момент перехватил инициативу у своего отца, а Сергей опустил плечи, тяжело дыша, на скамью и блуждающими глазами смотрел на кого угодно, только не на нее.

Анастасий и Мароция не удостоились и обычного благословения от Сергея после уроков. Пожав плечами и решив, что понтифик неважно себя чувствует, что было недалеко от истины, молодые люди, взявшись за руки, пошли по направлению к саду. Прождав минут десять, за ними, как охотник за зверем, выступил папа Сергей. Нет, он совершенно не стремился сюда, напротив, он сопротивлялся, как мог, но безвольные ноги, повинувшись приказам лукавого, сами привели его в заросший клуатр² базилики.

Еще пробираясь сквозь растительность, он понял, что ожидал не напрасно. Заняв свое наблюдательное место все в той же малопочтенной позе, папа с наслаждением предался вуайеризму. Он пожирал глазами Мароцию и всей душой своей был сейчас мысленно на месте своего сына. В один момент он даже вовремя спохватился, ибо сладкий стон готов был сорваться из его уст. Мароция была до умопомрачения восхитительна, пусть и в этот раз любовники не рискнули полностью снять свои одежды. Анастасий, утомившись первым, растянулся на своей несчастной тунике, и Мароция прильнула к нему, перехватив инициативу в любовной игре.

Она повернулась спиной к Сергию, закрывая тому весь обзор, и тот невольно шевельнулся, пытаясь лучше разглядеть происходящее. Неожиданно под его коленом подломился маленький сучок, и Мароция, обернувшись, на секунду внимательно посмотрела в его сторону. Папа замер от ужаса позорного разоблачения, которое, вероятно последует за этим, однако бесстыдница только сменила свою позу так, что папе стало видно все, и, как ни в чем не бывало, продолжила свои ласки. Перед глазами папы вдруг стала расширяться страшная неведомая темнота, легким вдруг перестало хватать воздуха, и понтифик, испугавшись возможной апоплексии, почел за благо до срока покинуть этот грешный сад.

Это было на прошлой неделе, а сегодня снова пятница и снова папа стоит перед своими учениками, держа в руках Библию и собираясь со своими путающимися мыслями, чтобы начать проповедь. А эта маленькая нахалка устала на него своими пронзительно черными глазами, бьет себе по губам своим гусиным пером и с какой-то насмешкой глядит на него, как будто знает, какая неистовая борьба происходит в его душе! Папа почувствовал, что лицо его неумолимо заливают краской, и он повернулся к Анастасию с просьбой провести урок. Анаста-

² Клуатр-сад внутри здания

сий, не чувствуя в себе сил и достоинств говорить с учениками о Священном Писании, попросил провести очередной урок письма и папа поспешно махнул рукой в знак своего согласия.

Два часа пролетели незаметно. Подростки забрали свои свитки и, поклонившись папе, заспешили прочь. Анастасий и Мароция, снова не дождавшись благословения, последовали за ними. Папа остался сидеть в своем кресле, одновременно боясь идти и испытывая жгучий соблазн снова посетить Латеранский клуатр.

За этой борьбой понтифик не заметил, как пролетело время. Очнувшись, он первым делом с сожалением констатировал, что сегодня, по всей видимости, опоздал. Громко усмехнувшись самому себе и даже облегченно вздохнув от маленькой победы над своими страстями, он, тем не менее,заспешил в сад, посмеиваясь, что дьявол в его душе сегодня все равно остался с носом. Подойдя к самым зарослям сада, он усмехнулся еще раз – в саду царила полная тишина.

Очевидно было, что он действительно опоздал, тем не менее он почему-то вновь начал пробираться на свое место. Добравшись до своего импровизированного поста наблюдений, он почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, а Люцифер смеется ему прямо в лицо!

На известной тунике, утомившись после своих забав и поддавшись чарам Морфея, совершенно обнаженными лежали его сын и дочь консула Рима. Папа поднялся со своих ватных колен, и, судорожно глотая воздух совершенно пересохшим горлом, сделал еще несколько шагов и очутился на поляне. Для начала понтифик еще раз осмотрелся, в страхе, что чей-нибудь посторонний глаз способен будет углядеть его за столь постыдным занятием. Но место было выбрано идеально, кусты акаций и лопухи кротонов поднимались здесь на высоту человеческого роста, а сверху стену растительности дополняли кроны слив и цитроновых деревьев. Убедившись в безопасности данного места, папа взглянул на мирно спящих любовников.

Мароция спала на руке своего возлюбленного, ее алый рот с маленькой родинкой под нижней губой был ангельски приоткрыт, ее черные и уже длинные, почти как у матери, волосы разметались по смятой тунике и по груди Анастасия. Сергей оглядел ее с благоговейным трепетом рыцаря нашедшего, наконец, свой Грааль. О, как она была юна и прекрасна, как божественна и порочна одновременно! Епископу стоило колоссальных усилий привести себя в чувство, его хитрый ум подсказал ему блестящую идею.

Он приблизился к Анастасию, осторожно потряс его за плечо и тут же ладонью заткнул ему рот. Молодой человек открыл глаза и с ужасом уставился на своего отца. Опасения Сергея были излишними – юноша и без того онемел от потрясения и только начал почему-то отрицательно мотать головой. Сергей сделал страшное лицо и, отпустив тому рот, грозно прошептал:

– Ни звука, быстро встал и пошел вон!

Анастасий послушно закивал. Он начал было натягивать на себя одежду, но Сергей схватил его рубахи и штаны и бросил ему на руки, предельно повелительным жестом указав убраться прочь. Сын с отцом вышли из зарослей, и только тут к Анастасию вернулся дар речи:

– Ва... ваше.... Ваше Святейшество Простите, простите нас,... О, Господи, что мы наделали!

– Убирайся прочь! Разговор будет завтра! А сейчас я могу только придушить тебя!

– А как же Как же она?

– Хвала Господу, что вас никто не увидел! Проснется и уйдет сама! И ни слова, что я видел вас! Понял?

– Да, да! О, как вы добры ко мне... к нам! А мы, мы заслужили самого строгого наказания!

– Да, самого строгого! И не сомневайся, оно последует! А теперь вон!

И для скорости мыслей и действий Сергей наградил сына крепким подзатыльником. Анастасий, спешно одевшись, бросился к дверям базилики. Сергей проследил за ним, пока тот не скрылся из вида.

Затем он неторопливо обошел еще раз портики сада, словно лев, загнавший, наконец, свою добычу, специально оттягивая время, чтобы сполна насладиться своим триумфом. Там в глубине сада лежала она, во всей своей бесстыдной природной пугающей красоте, там, в этом саду, в этом Эдеме, лежал подарок, посланный ему кем-то на склоне его почтенных лет и славной карьеры.

Он начал потихоньку пробираться к ней, раздвигая рукой непослушные заросли сада. Нет, он, конечно, не воспользуется ее положением,ведь он священник,он давал клятву соблюдать целибат, он папа римский и наместник самого Апостола на земле, его положение, его роль обязывают его быть выше всех этих дьявольских искушений. Он,....он всего лишь ненадолго посмотрит на нее,.... спящую,.... насладится красотой, на которую только способна природа и Творец ее,..... ведь никогда более ему уже не суждено будет увидеть подобное,.... никогда,....никогда....Он должен взглянуть на нее, он никогда не простит себе, если сейчас повернется и уйдет прочь из этого сада. А вот и она, и по-прежнему спит, и слава Богу, а он, он подойдет к ней всего лишь на минуточку.... Всего лишь посмотреть на это чудо,но как же она обольстительна, как же она хороша!

Он очутился перед ней и опустился на колени. Мароция лежала на спине, нахально являя свою наготу миру. Папа приблизился к ней и, не находя в себе смелости коснуться ее, начал жадно вдыхать ноздрями запах ее тела. Станным и страшным, наверное, показалось бы это зрелище тому, кто случайно забрел бы в этот миг на эту дьявольскую полянку. Главный иерарх церкви дрожащим хищным шакалом склонился над спящей красоткой, чья юность и свежесть, казалось, свидетельствовали о беспорной ее невинности и искренности.

Он приблизился к ее лицу, ощущая на себе ее дыхание, приблизился к черной копне ее волос и вдохнул их пряный запах. От сладострастия папа на мгновение закрыл глаза, наслаждаясь моментом и пытаясь навсегда запомнить этот аромат. Открыв глаза, он невольно вскрикнул от ужаса. Мароция глядела на него, глядела недопустимо спокойным для такого момента и преступно насмешливым взглядом!

Сергий инстинктивно закрыл лицо руками и отвернулся от нее. В этот миг весь мир для него скрутился в одну маленькую точку, его имя, его авторитет, авторитет вверенной ему церкви внезапно оказался в руках этой щуплой нагой отроковицы с порочным взглядом. Сергий зажмурился, он призывал все силы Небесные унести его немислимым путем отсюда прочь, он проклинал себя за то, что не удержал себя от посещения этого дьявольского сада. Поистине, и после убийства папы Стефана Люцифер и его слуги не покинули это место, губя всех, кто заходит сюда!

Вдруг он почувствовал, как его епископский палий начал скручиваться в узел и, повинаясь злой воле, неумолимо склонять голову вниз. Он открыл глаза, страхась и желая одновременно. Мароция, все с той же лукавой усмешкой, своими маленькими пальчиками держала его за священный атрибут власти папы над этим миром и плавно, но настойчиво тянула его к себе. Последнее, что запомнил папа Сергий, были ее черные бездонные глаза, на дне которых мерцали огоньки ада, и совершенно странный, определенно сладкий, вкус ее губ.

Эпизод 2. 1661-й год с даты основания Рима, 21-й год правления базилевса Льва Мудрого (август 907 года от Рождества Христова)

Следующие дни папа Сергей Третий весь светился от счастья переполнявшего его душу. Помимо радости плута, успешно провернувшего рискованное дельце, помимо собственно мужской гордости от одержанной в немалых своих годах очередной победы, основной долей в эйфории, охватившей его, стала та самая страстная и полубезумная любовь, которая иногда вспыхивает у пожилого человека к юному предмету своего обожания. Мысли о чудовищном своем грехопадении, конечно, ненадолго посещали его сознание, но всякий раз им самим же легко изгонялись. О ней, только о ней одной он думал, совершая рутинные часовые литургии, ей, только ей одной он давал Святое Причастие во время мессы, только ее губы, казалось, он ощущал, когда почтительно протягивал свою руку для поцелуя верующим. Слуги, конечно же, заметили перемены в его поведении, но сочли это явной благодатью Небесною, ибо понтифик отныне пребывал в благодушнейшем настроении, чем многие нечистые на руку члены паствы его даже успели с корыстью воспользоваться.

В число этих жуликов, разумеется, никак не мог попасть его сын Анастасий. Сергей уже на следующий день, приняв грозный вид оскорбленного в своих чувствах учителя, христианина и служителя Церкви, самым страшным образом отчитал своего сына за содеянное, наложил на него тяжеленную эпитимью и пообещал, что отправит Анастасия священником в одну из африканских церквей, если хотя бы минимально заподозрит Анастасия в продолжении его связи с Мароцией. Анастасий был до глубины души напуган и пристыжен и, к позору своему, даже не осмелился спросить, каким же будет наказание для его возлюбленной. Сергей выведдал у него все – оказалось, что встречаются они еще с весны, и что инициатором-искусителем в их страсти была сама Мароция, в то время как Анастасий пусть и робко, боясь ее обидеть, но долго сопротивлялся, страшаясь смертного греха. В итоге Сергей сменил гнев на милость, но эпитимья, сама собой, осталась в силе.

Однако, ближе к пятнице, состояние души папы начало вновь испытывать признаки грядущего шторма. Первым делом свое место в его сознании занял понятный страх и неуверенность, а не было ли все это единичным капризом избалованной и распутной красавицы, ловко воспользовавшейся создавшимся моментом и теперь получившей повод вить из него веревки? Далее тревожной колонной вошли мысли, а что, собственно, надлежит делать дальше, как отныне поступать и вести себя по отношению к Мароции, и, главное, как дать понять, что он хочет продолжения? До сей поры складывавшиеся обстоятельства сами собой привели его к неожиданному и невиданному триумфу в его амурной биографии, сейчас же предстояло самому проявить инициативу, но как? Размышления на эту тему очень скоро сменились душевными терзаниями, ибо коварная совесть, воспользовавшись моментом, атаковала его упреками относительно его поведения, несовместимого с предназначенной ему Небом и Церковью роли.

День пятницы он встретил, проворочавшись всю ночь в своей постели, и утренние службы провел в весьма помятом виде и сумрачном настроении. Завтрак помог ему взбодриться, а уже перед самими занятиями с учениками Сергей решил, что не будет лишним, если он осушит кубок фалернского. Подходя к дверям библиотеки, где проходили уроки, он еще издали увидел ее. Мароция хорошела с каждым днем, точнее с каждой неделей, ибо в промежутках между занятиями Сергей практически не видел ее. Папа впервые за долгие дни с радостью помянул жару, установившуюся в Риме, благодаря которой на Мароции было легчайшее платье, чья снежная белизна буквально слепила глаз и невыразимо маняще смотрелась на ее загорелой фигуре. Ровесники роем кружили вокруг нее, обмениваясь шутками, причем

было заметно, что каждый старался обратить на себя ее внимание. К группе молодежи присоединился было и Анастасий, однако, завидя Сергия, тут же испуганно шмыгнул в библиотеку. Мароция же каждого парня приветливо поцеловала в щеку, отчего Сергей нахмурился и, подойдя к молодым людям, дал им возможность обнаружить себя и, таким образом, прекратить излишне развязное общение.

Ученики почтительно поклонились, а Сергей, осеняя каждого подростка крестным знаменем, протягивал тому руку для поцелуя. Настала очередь и Мароции, она взяла его руку своими почти невесомыми пальчиками, и папа почувствовал одновременно с прикосновением ее губ, как она своими коготками больно вонзилась ему в ладонь. Приподняв на него глаза, она одарила его улыбкой из смеси почтения и лукавства, и Сергей ничего не придумал более, как еще раз произнести над ней слова благословения.

Начался урок. На этот раз, после долгого перерыва, вызванного приступами недомогания у папы, было решено посвятить день Священному писанию и обсуждению с учениками жития святых и мучеников Церкви. Надо отдать должное папе Сергию, понтифик давал себе и своим ученикам определенную свободу мыслей для разговоров на темы, в то время воспринимавшиеся единственно как догмы, микроскопическое отклонение от которых незамедлительно считалось тягчайшей ересью. Естественно, исполняя свои обязанности на престоле Святого Петра, Сергей не позволял никому какое-либо вольное восприятие Слова Божьего, но на занятиях с учениками разрешал умышленное послабление не только себе, воспринимая это как некий отдых своему мозгу от сковывающих оков Священной догматики, но и ученикам, в чьи слова понтифик внимательно вслушивался, пытаясь обычно понять, собственные ли это размышления подростка, или нечто втолкованное ему в голову семьей, а, следовательно, не появляется ли смысл эту семью изучить дополнительно в части наличия еретических размышлений. Впрочем, тут нелишне будет напомнить, что наказанию за ересь в десятом веке еще было далеко до изуверских форм, которые последуют спустя несколько веков, явившись ответной мерой Церкви перед лицом начавшихся реформационных раскольничьих процессов.

Папа усадил учеников на скамьи вокруг себя и повел неспешный разговор. Рассказчик папа был, безусловно, выдающийся, и истории о муках первых христиан в языческом Риме сопровождалась столь подробным и красочным изложением, что это произвело огромное впечатление на всегда и во все времена ироничных до цинизма подростков. Смерч восторга вызвал у них рассказ Сергия о семерых отроках Эфеса, которых, за отказ принести жертвы идолам, император Деций Траян велел заживо замуровать, однако юноши заснули волшебным сном и проспали целых полтора столетия, после чего, как ни в чем не бывало, послали одного из своего круга купить всем хлеба. Но даже вечно смешливая Мароция передернула своими смуглыми плечиками, когда услышала об обстоятельствах казни Святого Лаврентия³, а все ученики испуганно закрестились.

– Представляете, дети мои, насколько сильна была его любовь к Господу, насколько крепка была его Вера в Слово Спасителя, раз он презрел свою смерть и немислимые страдания, причиненные ему исключительно из-за его Веры! Ведь он был предупрежден о своих грядущих мучениях папой Сикстом⁴, который сам, в свою очередь, шел на казнь, и, тем не менее, спокойно и достойно испил до конца чашу судьбы своей. И таких, как он, были десятки, что приняли страшную смерть, но не отреклись от Веры своей и Любви ко Христу и страшное возмездие, постигшее затем языческий Рим, в связи с этим, является справедливой карой Господа жестокому и горделивому народу, погрязшему во грехе!

³ Лаврентий Римский (ок.225—258), архидиакон христианской общины, святой всех христианских церквей. За отказ поклониться языческим богам, заживо изжарен на железной решетке.

⁴ Сикст Второй (? -258), римский папа (257—258), казнен в Риме, святой всех христианских церквей

– А все эти люди, пострадавшие за Христа, были признаны Церковью святыми? – спросил Георгий Терентий, сын одного из римских судей.

– Увы, нет, но не корите в этом Церковь, дети мои. Имена многих из них остались неизвестными нам, но ведь их знает Господь наш и, значит, уже воздал им по достоинству за подвиг во имя Его!

– А за что, Ваше Святейшество, Церковь признавала святыми людей, живших позже, когда пал Рим? – не унимался Георгий.

– Долгое время святыми признавали только тех, кто принял мученическую смерть за христианскую Веру. Такие подвиги происходят и в наши дни, так как нас и по сию пору окружают дикие народы, не знающие Христа, и, в прославление Веры и Церкви, многие священники и монахи ценой своей жизни несут варварам слово Божие. А, кроме того, святыми, то есть приближенными к Господу и отмеченными Духом Его, являются люди, ведущие праведный образ жизни и строго следующие Священному Писанию.

– Таковые есть и в наши дни?

– Ну, разумеется, ибо «дивен Бог во Святых Своих»⁵. Таким образом, святые люди своим житием свидетельствуют нам о Господе и славят его! Подумайте сами, могут ли прекратиться вдруг подобные свидетельства, напоминающие нам, грешным, о Господе?

– И вы знаете таких?

– Да не обидятся на меня Небеса за краткость мою, ибо всех имен не держит несовершенная память моя, но, из недавно пребывавших в мире нашем, я могу напомнить вам о патриархе Мефодии⁶, Ирменгарде, жене императора Лотаря⁷, а также о кордовских мучениках⁸.

– Ну а из ныне живущих?

– Есть весьма уважаемые священники Церкви и достойные монашествующие люди, но поскольку их земной путь не закончен, оценку их деяниям и решение о признании их святыми Церковь, естественно, дать не может.

– А может случиться так, что человек проживший жизнь праведно и благочестиво окажется вне поля зрения Церкви?

– Да, но как я уже говорил, деяния человека могут остаться незамеченными для Церкви, но не для Бога.

В разговор вдруг встряла Мароция.

– А имеет ли право Церковь вообще осуществлять признание или непризнание людей святыми? Не берет ли она на себя больше, чем должна, когда выносит оценку человеку, тогда как ему один Господь является судьей?

– Церковь озарена Духом Святым, который дает ей, и только ей, истинно признавать святость людей, подразумевая при этом их близость к Господу.

– Но уверена ли Церковь при принятии таких решений, что знает о данном человеке достаточно, чтобы ...ээээ...дать ему истинную оценку? Неужели Церковь никогда не совершала ошибок в этом? Вот мой отец, являющийся судьей города, не раз рассказывал мне, как суд Рима ошибочно отпускал воров и казнил невинных людей.

– Я только что сказал, Мароция, что Церковь ведОма Духом Святым, а посему решения Церкви суть решения Господа нашего. Решения же светских людей есть решения субъективные. Errare humanum est.⁹

⁵ Библия, Пс. 67, ст. 35

⁶ Мефодий Омологитис (не ранее 788—847), патриарх Константинополя (814—847)

⁷ Ирменгарда Турская (804—851)

⁸ 48 христиан, преимущественно монахов, казненных в Кордове в сер. 9 века за преступления против ислама.

⁹ Человеку свойственно ошибаться (лат.)

– Если Церковь озарена Духом Святым, значит можно предположить, что в круг высших иерархов своих она впускает наидостойнейших? За какие свои достоинства, к примеру, получает остиарий сан иподиакона?

– Да, собственно говоря, за те же качества, что выделяют его среди прочих младших сынов клира. За праведный образ жизни, следование Вере, благочестие.

– И такой отбор христианин, решивший посвятить себя служению Церкви, проходит на протяжении всей своей церковной карьеры? – спросила Мароция, состроив из себя самый невинный вид.

– Да, конечно, – ответил Сергей, не чувствуя подвоха.

– Стало быть, епископ Рима является наидостойнейшим христианином в мире? – сказала она и уставилась на Сергия, округлив свои глазки и сделав губки бантиком.

Сергий слегка смутился.

– Ты упрощаешь, дитя мое. История знает немало случаев, когда святым Церковь признавала безвестного монаха, поразившего всех святостью своей жизни и написанием книг во славу Господа, и в тоже время обходила вниманием высших иерархов, находя их недостойными. Необходимо разделять Церковь как таковую и служителей ее. Я бы солгал, если бы сказал утвердительно на твой вопрос, дочь моя. История знает, к сожалению, уже немало примеров, когда престол Апостола Петра занимали люди не то что недостойные его, но и являвшиеся врагами Церкви, ибо преступно роняли авторитет ее в глазах мирян. Все вы знаете, что более десяти лет назад папский престол занимал некий Формоз. Он стал папой, нарушив законы Церкви, ибо являлся епископом другого города, своими деяниями он вызвал войну в Риме и сопредельных странах, он привел в Рим и короновал варвара и приبلудника Арнульфа из-за одного малодушного страха при виде орд его. Сравните, если найдете в себе дерзость сравнить, мучеников, погибавших на амфитеатрах Рима, с этим Формозом! Церковь по всей справедливости осудила деяния недостойного!

– Справедливость заключалась в выкапывании его из могилы и совершении потешного суда над ним? – бросила Мароция.

На несколько секунд воцарилась мертвенная тишина. Сергей заметно побагровел, вечно прищуренные глаза его расширились, будто он только что услышал зов трубы ангела, возвещающего конец времен.

– Осуждение Церкви Формозом было справедливым. Еще святой папа Николай говорил, что *суд апостольской кафедры, выше авторитета которой нет ничего, никем не может быть отменен, о суде ее никто не может произносить приговора*¹⁰. Форма же суда над ним не дает спать спокойно всем, кто участвовал в нем. И я не исключение. Я принимал в нем участие, дети мои, и до конца дней своих я буду молить Господа о прощении и надеяться на милостивую любовь Его, – Сергей говорил очень медленно, с трудом подбирая слова. Воспользовавшись молчанием учеников, он продолжил:

– Все это, увы, только подтверждает мои слова о том, что сидящий на престоле Святого Петра, сосредоточив в персоне своей руководство кафедральной Церкви, может, тем не менее, быть человеком суетным и грешным. Высоко предназначение его, но неизмеримо выше мера ответственности его пред Богом и людьми. Вот и меня, вашего нынешнего епископа, выбрали священники Церкви, высшая светская знать и горожане Рима, и я теперь должен нести свой крест до конца своих дней, молить о прощении и воздерживаться от грехов новых, потому что епископ Рима в идеале должен в существовании своем и в своих решениях олицетворять собой непогрешимость. *Infallibilitas*¹¹! – громко произнес он, подняв указательный палец к небу. Когда-то это слово произнесут еще громче и утвердят собором как непреложную истину.

¹⁰ Лебедев А. П. «История разделения церквей»

¹¹ Непогрешимость (лат.) Догмат о непогрешимости (безошибочности) римских пап в вопросах Веры принят на Первом

– Простите, Ваше Святейшество, что своими неразумными и дерзкими речами мы, возможно, обидели вас, – заговорил любимец Сергия, рыжий, забавно веснушчатый и не по годам рассудительный Агапит, сын знатных римлян из древнего рода Анициев, – Но скажите, были ли в истории папства епископы, чья деятельность запятналась смертными грехами?

– Опять же, дети мои, вернемся к этому Формозу. Его многократные лжесвидетельства дают мне право ответить на ваш вопрос, сын мой, утвердительно. Это печаль и позор католической Церкви, а также назидательный пример потомкам нашим.

– Вы называете лжесвидетельством его незаконный переход с одной епископской кафедры на другую? – Мароция извлекла на свет Божий второго вестника Страшного суда.

Сергий раздраженно взглянул на нее, но ответил быстро и все тем же тоном ментора:

– В том числе. В результате чего Церковью были признаны ничтожными все решения Формоза. Таким образом, я, волею Господа и решением Рима, получил право стать епископом Вечного города, через повторное рукоположение прошли и другие отцы Церкви, а некоторым, недостойным, это сделать не удалось. Не будь суда Церкви над Формозом, не состоялся бы и мой понтификат, поскольку сей Формоз назначил меня в свое время епископом города Черы, – Сергей решил самостоятельно опередить возможный ироничный вопрос своей бестактной возлюбленной.

– Ну а были ли в истории Рима папы, которые запятнали себя грехом убийства? – Агапиту, видимо, также не давали покоя темные страницы в истории папства.

Сергий переменялся в лице, но нашел в себе силы продолжить разговор:

– Нет...Нет. Папы иной раз руководили обороной Рима от врагов, в том числе, например, Григорий Великий, и, конечно, кто-то из злых языков может предъявить ему и прочим подобным косвенное обвинение. Однако, согласитесь, что в данном случае папы выступали как отцы города, которому угрожала военная опасность, разве могли они поступить иначе, ведь все вопросы управления Римом были в их руках, а сам Рим в те годы был сугубо церковным городом?

– Но ведь и Иисус, наверное, мог бы разбудить своих соратников в ту памятную ночь в Гефсиманском саду и попробовать организовать вооруженный отпор людям, пришедшим его арестовывать? Вместо этого он добровольно отдал себя под суд, а человека предавшего его поцеловал.

– Вы сопоставляете несопоставимое, сын мой. У Иисуса была миссия своей смертью подарить людям жизнь вечную, папа Григорий и его римляне защищали от поругания священный город и Церкви Христа.

– Стало быть, в истории католической церкви не было случая, чтобы папа являлся прямым убийцей кого-либо? – третьей апокалиптической трубой для Сергия прозвенел голос Мароции.

Он внимательно и тревожно строго посмотрел на нее. Она спокойно выдержала его взгляд, в уголках ее темных глаз таились маленькие смешинки. Неужели ее родители поведали ей о судьбе Льва и Христофора?

– Как же, – чуть ли не радостно ухватился за отголоски своих мыслей Сергей, – а как же мой предшественник Христофор, велевший умертвить несчастного папу Льва? Вот видите, дети мои, наверное, не найдется ни одного смертного греха, чья густая тень не окутывала бы в свое время святой престол Церкви.

– Как, и прелюбодейство тоже? – вот уже и четвертый ангел устами грешной девицы протрубил ему прямо в ухо. Сергей взглянул на Мароцию почти умоляющим взором. Чего она добивается? Ее глаза уже неприкрыто насмеялись над ним. А он ненавидел и любил ее сейчас невероятно.

– ………Ну, пожалуй,…… что нет. Я просто вспоминал и не вспомнил, – чуть ли не оправдывающимся тоном постарался превратить все в шутку Сергей. Ребята дружно рассмеялись.

– Совсем – совсем? – это была, конечно же, она.

– Нет, не помню, не было. Ни единого случая.

– Ваше Святейшество, а как же Иоанна Английская?! – воскликнул всезнайка Агапит. Сергей в этот момент готов был расцеловать этого рыжего, ибо сам уже смирился с безжалостным приговором, что именно он и никто иной открыл собой новую страницу преступлений в истории Церкви.

– Она, конечно, не имеет права именоваться папой, поскольку подлым обманом, скрыв свою природу, завладела Святым Престолом, но, подходя фактически, являлась лицом, занимавшим этот престол определенное время и в это время грех прелюбодеяния совершившим. Отсюда вывод, дети мои, никогда не отождествляйте бессмертную душу и бrenную плоть, а Церковь Христову с образами служителей ее, даже с самыми верховными иерархами. Не забывайте, что последние есть такие же грешные и несовершенно существа, как все вы. И помните, что всякий раз Церковь находила в себе силы очиститься и в том величии ее есть, что даже столь тяжкие грехи отдельных ее служителей не могли поколебать авторитет ее и не отворотили от Церкви души живущих, – заявил он, победоносно взглянув на Мароцию. Та, поиграв своими черными бровями, весело улыбнулась. Оставшиеся ангелы тяжело вздохнули, отложив свои трубы до худших времен.

Папа очень скоро перевел разговор на обсуждение житейских тем, поинтересовавшись у каждого о новостях в их семьях, о здоровье родителей, о гостях, которые посещали их в последнее время, о будущих планах. Как уже говорилось, получение подобной информации было одной из главных причин, побудивших Сергея взяться за обучение детей патрицианских семей.

Занятия подошли к концу. Папа с учениками хором произнесли молитву, после чего подростки покинули библиотеку. Остались только Сергей, Мароция и Анастасий. Сергей знаком пригласил на благословение Мароцию, боясь остаться с ней наедине. Получив напутствие, она поцеловала руку папы, снова вонзив тому в ладонь свои когти, и вышла в коридор, чтобы по традиции дожидаться Анастасия. Однако последний, в свою очередь, торопливо получив доброе слово от понтифика, вышел из библиотеки, то и дело оглядываясь на Сергия, а затем боком-боком, стараясь не глядеть на Мароцию, проследовал мимо нее. Мароция проводила его насмешливым с презринкой взглядом, после чего перевела такой же взгляд на Сергия. Тот быстренько отвел от нее глаза и начал перебирать пергаментные свитки, ища видимо какой-то очень важный в этот момент документ. Когда он украдкой посмотрел в сторону двери, там уже никого не было, Мароция ушла.

Сергий, оставив все свои свитки на столе, поспешил также покинуть библиотеку. Сгораемый от любовной страсти, епископ выскочил в коридор и проследовал к Латеранской базилике. Миновав храм, он уже чуть ли не бегом влетел в сад, как будто можно было всерьез рассчитывать на повторение приключения недельной давности. Наивность своих помыслов он очень скоро осознал – клуатр, конечно же, был пуст, понтифик своей торопливостью в такую жару только слегка загнал себя, и поэтому ему пришлось опуститься на одну из скамеек, обливаясь потом и тяжело переводя дух. Сергей впал в состояние жесточайшей тоски – он, прожженный бессовестный циник и авантюрист, был готов, как молоденький паж, разрыдаться от мысли, что его любимая, быть может, отринула его навеки. Все, достигнутое им на протяжении немалых лет, сейчас показалось настолько мелочным и не заслуживающим внимания, настолько ничемным, что он готов был вступить в сделку с Сатаной и отдать любому все свое положение и богатство, в обмен на молодость и возможность открыто любить.

Прошло еще немало времени, прежде чем папе удалось справиться с юношескими порывами, внезапно проснувшимися в его душе. Наверное, решил он, стоит прервать все эти занятия, доставляющие столько хлопот и переживаний или, что еще лучше, перепоручить их Анастасию. Хотя нет, его сын с этой распутницей опять получают возможность свиданий, а вот этого Сергей ни в коем случае не намерен был более допустить. Лучше уж действительно закончить обучение, тем более, что читать и писать он их худо-бедно обучил, и этого уже будет достаточно для того, чтобы им теперь считаться образованнейшими людьми своего времени. К тому же продолжение вольных бесед на библейские темы может и вовсе привести к опасным и непредсказуемым последствиям, сегодняшний разговор о том весьма красноречиво свидетельствовал.

С этими мыслями папа покинул сад, не спеша прошелся по Латеранской базилике, которая была практически пуста, и проследовал в свои покои. Слуги, как водится, отдыхали, готовясь к вечерним службам папы, и Сергей решил, что короткий сон будет самым лучшим способом успокоить свою душу и привести свои чувства в упорядоченное состояние. Войдя в спальню, он отпустил постельничьих и пошел к своему широкому ложу, закрытому плотным шелковым балдахинном.

Он откинул занавески и уже начал забираться на свое ложе, как вдруг легким дуновением ветра до него донеслось:

– Infallibilitas!

Он оглянулся. Так и есть. Из-за штор, прикрывавших входные двери, белым ангелом – каким ангелом? демоном, самым настоящим демоном! – к нему подплывала Мароция, вновь ввергая его душу в трепет и растапывая в пыль все попытки Сергея сохранить в себе остатки добропорядочности. На мгновение инстинкт самосохранения возобладал в нем, и он, вскочив с постели, подбежал к ней, кривя лицо в страшной гримасе и шипя, как пойманный собаками кот:

– Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала? Ты понимаешь, что будет, если тебя увидят здесь? Погибнешь сама и погубишь меня! Уходи прочь!

Мароция проскользнула мимо него и медленно подошла к его ложу. Сергей семенил за ней, потрясая кулаками и продолжая шипеть:

– Безнравственная! Ты понимаешь, где находишься? Ты можешь еще думать о чем-нибудь, кроме своей похоти?

Мароция села на его постель, ее платье обнажило ее восхитительные смуглые ножки, отчего шипение в спальне вдруг прекратилось.

– Ваше Святейшество, а вы жестоки. Еще утром я думала, что меня любят двое мужчин, двое таких славных и милых мужчин. А сейчас оказывается, что у одного из них страх перед учителем гораздо сильнее любви ко мне, а второй, обладая всей полнотой власти, ставит свои чувства ниже каких-то придуманных правил, чинов и условностей, хотя он сам, как никто иной, эти правила волен отменять и устанавливать.

– Вы слишком юны, Мароция, и не понимаете о чем, где, и с кем говорите. Вы посчитали мое проявление страстей достаточным основанием, чтобы теперь вот так вести себя? Вы ставите меня в неловкое положение перед учениками, задавая провокационные или еретические вопросы, всем видом своим показывая, что вы знаете правильный, но только в вашем понимании правильный, ответ. Вы врываетесь в мою спальню нисколько не смущаясь, что может пострадать мой авторитет, да что там мой, авторитет самой Церкви!

– А вы подумайте, что будет ждать меня, если сейчас откроется штора и сюда зайдет кто-нибудь из ваших слуг? У вас пострадает авторитет, меня же просто забьют камнями, и никакие чины и должности отца моего меня не спасут. Не большим ли я рискую, приходя к вам? И не больше ли тогда мое чувство к вам, в сравнении с вашим?

– Да-да, дитя мое, ты немисливо рискуешь. Но...неужели ты в самом делелюбишь... любишь меня?

– Во всяком случае, Ваше Святейшество, у меня захватывает дух от одной только мысли, что мной владеет сам папа Римский.

– Это не любовь, Мароция.

– Может быть, но это страсть, за которую мне не жалко жизни. А вам?

– Пойми же, дочь моя,..... И пожалей меня. Да, я грешный человек и сейчас умножаю свои грехи, общаясь с тобой, да, за все за это меня будет ждать суровое наказание Создателя нашего, но волею Господа он вознес меня на трон епископа Рима и, оскверняя сей трон, я гублю себя и оскорбляю Церковь Его! Если бы не этот трон, не эта тиара, ничто не смогло разлучить бы нас, клянусь тебе!

– Если бы не этот трон и не эта тиара, я никогда бы не дала себя в твои руки, – прямо и жестоко сказала пятнадцатилетняя девица.

Сергий надолго замолчал, переживая безжалостную правду ее слов. Мароция продолжала сидеть на его постели, болтая ногами, порой поднимая их чрезмерно высоко и на секунду задерживая.

– А Анастасия ты действительно любишь?

– Он удивительно милый и хороший человек. Мне нравится дразнить его,как и тебя. Но с тобой игра интересней. Считаю, что на Анастасии я слегка поучилась.

– Я прошу тебя, Мароция, уходи. По крайней мере, здесь нас не должны видеть.

– А где желает меня видеть Ваше Святейшество? Опять в запыленном саду на голой земле?

– Почему же? Можно, например, после занятий..... оставаться в библиотеке. Надо сказать, у вас очень плохо с письмом, Мароция.

– О, вы даже не представляете как плохо. Терпеть не могу эти дурацкие тростниковые перья, от них пальцы стираешь в кровь! Вам нелегко меня будет научить, – с улыбкой добавила она.

– Сегодня же распоряжусь, чтобы в библиотеке установили ложе, на котором я мог бы после обеда читать там книги. Начну прямо завтра, чтобы никто не заподозрил неладное и не проследил связи.

– Вы чрезвычайно благоразумны и осторожны, Ваше Святейшество.

– Без этого, моя Мароция, я никогда бы не стал епископом Рима.

– Охотно верю, но знаю, что вы не совсем честны со мной.

– Отчего же?

– Мои родители, да и я сама, считаем, что добросовестная и осторожная деятельность есть добродетели для хорошего исполнения чужой воли. Но для того, чтобы эту волю начать диктовать самому, нужно в ответственные моменты не бояться братья за авантюру и идти против закона, против толпы и против правил.

Сергий усмехнулся.

– Согласен. Именно этим, прелестная Мароция, ты и руководствовалась, когда проникла сюда, не так ли?

– Именно, так.

– Но твои родители верно подсказали тебе, что риск, прежде всего, всегда должен быть оправдан, а кроме того и расчетлив, а потому, любовь моя, я прошу тебя все-таки сейчас уйти, скоро слуги будут здесь и неприятностей от этого мы оба получим гораздо больше, чем выгоды и удовольствия. Мы встретимся через неделю, я буду ждать этого дня, сгорая от своей грешной и несчастной любви к тебе, и буду успокаивать себя только тем, что мои чувства к тебе, невзирая на пост, занимаемый мной, чисты, как слезы мучеников. Такой чистой и честной бывает только первая и последняя любовь суетного человека.

Юная девица подарила почтенному и сухонькому епископу долгий и страстный поцелуй и заспешила к выходу. Перед самыми дверьми она оглянулась и с улыбкой произнесла невыразимо издевательски:

– Infallibilitas!

Эпизод 3. 1661-й год с даты основания Рима, 21-й год правления базилевса Льва Мудрого (август 907 года от Рождества Христова)

Теодора Теофилакт была не только одаренной интриганкой своего времени, впервые, если не считать Юлию Месу¹², добившейся для женщины права заседать в римском Сенате, но также аккуратной и рачительной хозяйкой своего семейства. Ее муж, сиятельный граф Тусколо, управлял хозяйственной деятельностью всего Рима и, в связи с этим, было понятно, что до дел собственного дома у него в последнее время просто не доходили руки. Теодора с готовностью приняла на себя все бытовые проблемы семьи, и утро каждого ее дня теперь начиналось с отчета мажордома. Помимо этого, она сама организовала оживленную торговлю своего двора с друзьями и родственниками мужа, оставшимися в Византии, а также установила таинственные связи с восточными купцами, которые периодически привозили к воротам ее дома странные караваны, груженные какими-то книгами, материями и подозрительными снадобьями, в связи с чем о Теодоре в Риме среди простоватых хозяйшек поземкой стелилась дурная слава.

В полном ведении Теодоры было и воспитание детей. Точнее дочерей, ибо старший сын Теофило целыми днями пропадал с отцом, стараясь вникать во все дела последнего, так как со временем именно ему подразумевалось передать все чины и должности, занятые Теофилактом. Сын Теофилакта, восемнадцати лет от роду, статью своей и лицом опровергал известный тезис, гласящий, что первый сын должен быть непременно мамин. Он во всем походил на отца, разве что, быть может, по молодости лет отличался более пылким и неосторожным нравом. Два года тому назад Теофилакт отрядил его в Константинополь, где Теофило поступил в одну из военных школ Византии, приобретая опыт будущего воина, а также знакомясь с основами чтения и письма. Однако этой весной сын прибыл в Рим, где, едва взбежав на родительский порог, по великому секрету пожаловался отцу на позорную болезнь, приобретенную им, видимо, в погоне за знаниями, в одном из злачных кварталов Константинополя. Отец, будучи не в силах помочь ему делом, немедленно выдал его тайну матери, которая, осмотрев сына, нашла его состояние вполне излечимым, что спустя небольшое время к счастью подтвердилось, ибо Теодора немало сил и времени потратила на изучение премудростей медицины, и вышеупомянутые скляночки, прибываемые к ней с Востока, содержали, в большинстве своем, самые современные настойки и бальзамы. Впрочем, справедливости ради, надо будет сказать, что в небольшой степени злые языки тоже были в чем-то правы – лаборатория Теодоры была уставлена не только целительными, но и смертельными снадобьями, и в эту лабораторию вход любому постороннему был запрещен под страхом смерти.

Итак, Теодора полностью занималась воспитанием дочерей, причем ее методы и характер воспитания разительно отличались от принятых в римском обществе десятого века. Так, она единственная из римских фамилий отдала свою старшую дочь Мароцию на обучение в Латеранский дворец к папе, несмотря на то, что общепринятое мнение считало излишним и даже вредным для здоровья и физиологии подобные занятия для девочек. За Мароцией вскоре должна была последовать и младшая дочь Теодора, которой шел десятый год. Маленькая Теодора внешне, как и Теофило, опять-таки была больше похожа на своего отца, такая же крепенькая телом и духом, ко всему прочему она обладала отчего-то светлорусыми волосами, что временами наполняло сознание Теофилакта мрачными подозрениями. Младшая дочь росла в обстановке уже сложившихся, весьма натянутых отношений между родителями и не могла

¹² Юлия Меса (ок.165-ок.224) – бабка императоров Гелиогабала и Александра Севера.

не чувствовать какое-то отчуждение к себе со стороны отца, да и мать не сказать, чтобы проявляла к ней особую ласку. Недостаток родительской любви девочка инстинктивно пыталась компенсировать общением со своей старшей сестрой Мароцией, за которой маленькая Теодора следовала буквально повсюду и во всем старалась ей подражать.

По мере взросления дочерей семейство Тусколо волей-неволей должно было начать заботиться об устройстве их судьбы. С сыном Теофило было все предельно ясно – свою карьеру он будет строить на постах в римском муниципалитете и попытается развить впечатляющие достижения своего отца. Что касается дочерей, то вот уже несколько лет к графам Тусколо навевались знатные фамилии Рима со сватовством к ним, в первую очередь к Мароции. Теофилакт и Теодора всякий раз отвечали сватам вежливым отказом, полагая, что красота их дочерей и пост, занимаемый ими самими в Риме, достойны лучшего предложения и лелеяли мечту породниться с благородными родами Италии, а, возможно, чем черт не шутит, германских земель или Византии. Увы, но в этом плане на горизонте покамест ничего не возникало. Подходящий вариант у них, впрочем, был под боком, в лице Гуго и Гвидо, сыновей Берты Тосканской, но по вполне понятным причинам такой альянс возможным не представлялся. В итоге все это привело к тому, что пятнадцатилетнюю Мароцию по тем временам можно уже было назвать «засидевшейся в девках», однако хладнокровная и расчетливая Теодора-старшая не считала нужным в этом вопросе принимать скоропалительные решения.

Мароция, однако, вошла в опасный возраст, и это требовало от Теодоры дополнительной осторожности и наблюдательности. Летом 907 года она заметила перемены, произошедшие с Мароцией, в частности, ее постепенный отход от детских привычек и детского еще поведения, а, главное, изменившийся стиль общения с мужчинами. На какое-то время Теодора решила взять паузу и проверить свои подозрения, но очень скоро сделала для себя окончательные выводы – Мароция потеряла невинность.

Она должна была немедленно разоблачить дочь, выяснить, с кем она проводит время, и постараться вовремя разрушить эту связь. В этих своих действиях она в десятую очередь осуждала дочь за распутное поведение, более всего ее тяготили мысли, что Мароция, поддавшись юношеским инстинктам, могла спутаться с каким-либо нечистоплотным или опасным авантюристом, тогда как мать с такой тщательностью готовила ее к лучшей доле. В один из дней она позвала своих дочерей в термы, так сказать, для планового осмотра их здоровья.

Первой, хихикая, отмучилась младшая Теодора, мать приказала ей немедленно идти в игровые комнаты. Теодора осталась с Мароцией наедине, дочь старательно избегала встретиться с матерью взглядом.

Спустя несколько минут последние сомнения были развеяны. Теодора с Мароцией сели друг напротив друга. Мать не спеша вытерла руки полотенцем и достаточно спокойным голосом произнесла:

– Ну рассказывай, доченька.

– Что рассказывать?

Ответом была хлесткий удар полотенцем по лицу, которым мать наградила зарвавшуюся дочь.

– Потаскуха! Тебе надо объяснять? Рассказывай, кто тебе удружил, один он такой счастливый или уже не один, давно с ним встречаешься и где? Живо!

Мароция молчала, ее темные глаза начали заполняться слезами, подбородок задрожал.

– Боялась не успеть попробовать? Посчитала себя взрослой? Кто он?

Мароция разрыдалась. После нескольких повторных вопросов, поняв, что от нее ничего в таком состоянии не добьешься, Теодора хлестнула ее еще раз полотенцем по голове, после чего заговорила вкрадчивым заботливым тоном.

– Пойми, глупая, твоя красота подарок тебе от Создателя, о котором мечтает добрая половина женщин. Еще одним богатством является тот пост, которого твой отец достиг в Риме.

Богатством своим можно распорядиться по-разному. Его можно прокутить в сомнительных пирушках, в дешевых тавернах, и там, в этих притонах, остаться навеки, а можно вложить свое богатство в прибыльную операцию и получить невиданные барыши. Но для этого нельзя спешить и своим имуществом необходимо разумно распоряжаться. Уважение к нашей фамилии растёт с каждым годом и скоро самые знатные европейские дворы не побрезгуют вступить с нами в родство. Что же ты делаешь, дрянь? Пойми, ты сама, сама уже дала своей красоте, своему телу низкую оценку, раз продала его за бесценок какому-то проходимцу, только потому, что тебе захотелось ощутить удовольствие плотской связи. Так ты мне скажешь, с кем ты была?

Рыдания Мароции перешли в икоту, говорить она не могла. Закрыв лицо руками, она только кивала головой, как будто соглашалась по всем пунктам с пламенным монологом своей матери.

– Чего ты киваешь головой, дура? Кто он, простолюдин, слуга нашего двора?

Мароция отрицательно мотнула головой.

– И на том спасибо. Хорошо, быть может он, – в ее голосе появилась надежда, – из благородного семейства?

Мароция тряхнула головой еще сильнее. Теодора вскрикнула от отчаяния и в третий раз прошла полотенцем по голове своей дочери.

– Дура! Потаскуха! Ну я так и знала. Теперь даже и нечего рассчитывать на франкские и тевтонские дворы, эти святоши женятся на девственницах, хотя и заводят потом тысячи конкубин.Так он, видимо, горожанин?

Снова нет. Мароция по-прежнему мотала головой, захлестнувшая ее истерика не давала говорить.

– Вот так дела. И как прикажешь тебя понимать? Стоп! Неужели он что, служитель Церкви?

Мароция согласно кивнула головой. Теодора всплеснула руками.

– Трижды дура! Так и есть, она просто хотела повеселиться и для этого нашла какого-нибудь похотливого клирика или некрепкого на передок монашка.

Мароция отрицала.

– Ты хочешь сказать, что это кто-то повыше? Будь это с кем-то другим, я бы от души повеселилась бы, слушая твой рассказ, но в нашем случае, что монашек, что священник все едино. Взять с них нечего, свое мерзкое дело они сделали, и кроме позора из этого ничего не может выйти. Что?

Мароция подняла указательный палец к небу.

– Вот порадовала, он не простой монашек! Священник? И не священник. Опять выше? А кто же?

Мароция прекратила рыдать и уставилась на мать странным немигающим взглядом. Теодору вдруг пронзила страшная догадка.

– Это....это.....это Сергей?

Мароция кивнула и закрыла лицо руками. Теодора встала со скамьи, ей не хватало воздуха.

– Это это Сергей....помилуйте....Вот так учитель, научил так научил! Это папа Римский это сделал папа Римский, и как теперь всем нам быть? – бормотала она, очевидно свыкаясь с новым положением вещей в этом мире.

Внезапно она расхохоталась. Она смеялась все громче и громче, теперь уже ее билла неукротимая истерика, а Мароция с непонимающим страхом смотрела на мать. На секунду Теодора остановилась.

– А ты мне не врешь?

– Нет, матушка, какой мне смысл так врать?

И Теодора вновь забилась в жутком смехе. Наконец она немного успокоилась, хотя плечи ее по-прежнему сотрясались, и она заговорила с Мароцией предельно ласково:

– Ну, дочь моя, ты меня и удивила. А я-то думала, что ты по глупости дала себя какому-то конюху. Нет, шалишь, наша кровь глупостей не приемлет! Да, признаю, ты меня обставила, дочь моя, нет, ну вы подумайте, сделать своим любовником папу Римского!

Вдруг она спохватилась и перешла на шепот:

– Тсссс, милая, об этом никому не слова, в том числе и отцу! И прошу тебя, будь аккуратна с Сергием, и в постели, и в разговорах. Будешь умницей, а ты ведь ей всегда была, и даже сама не представляешь, как все это можно будет обернуть с великой пользой для себя. Да что ты, даже я сейчас в полной мере не представляю! Только будь умницей!

Она поцеловала дочь и отпустила ее к себе. Оставшись одна, Теодора расплылась в лукавой улыбке:

– Ну что же, Ваше Святейшество, отныне вы будете делать только то, что я вам скажу. Обучаете, значит, детей наукам? Вижу, вижу, как проходит обучение. Потянуло вновь на сладенькое, святой отец? Будь готов за это заплатить!

Эпизод 4. 1661-й год с даты основания Рима, 22-й год правления базилевса Льва Мудрого (сентябрь 907 года от Рождества Христова)

В один из первых сентябрьских дней 907 года, ранним утром, к воротам дома Теофилактов на Авентине подъехали два всадника, судя по одежде, имевшие отношение к равеннскому епископату. Возле ворот башни они, обнявшись друг с другом, расстались – один из них взял курс к Латеранскому дворцу, второй постучался в графские ворота.

Спустя несколько минут граф Тусколо со своей супругой уже спешили навстречу утреннему гонцу, имевшему вид печальный и взволнованный. Завидя хозяев, гонец склонился в поклоне и передал им пергаментный свиток.

– Мессер, скончался его высокопреподобие отец Кайлон, архиепископ Равеннский. Мой товарищ отправился с этой же вестью в Латеран к Его Святейшеству.

Прочитав молитву за упокой души архиепископа, которого они отлично знали, и с которым вели дружескую переписку, семья графа Тусколо вернулась к семейному столу, где уже был накрыт завтрак.

– Очевидно, папа Сергей в ближайшие дни отправится в Равенну. Назначение второго человека в Западной Церкви не может пройти без участия первого, – многозначительно заметил Теофилакт.

Теодора согласилась с ним. Ее мысли были, видно, заняты чем-то важным, поскольку за все оставшееся время она не проронила ни слова. По окончании завтрака, улучив момент, графиня увлекла за собой Мароцию на открытую террасу дома, где она могла говорить с ней без опасности быть подслушанной.

– Скажи мне, дочь моя, завтра ведь пятница, ты завтра увидишь Его Святейшество?

– Да, матушка.

– И....., как ты думаешь, завтра онокажет тебе свое восхищение твоими знаниями? Мароция хмыкнула.

– Он говорит, что всякий раз считает дни до нашего свидания.

– Вот и прекрасно. Я попрошу тебя достать у него из покоев или где у вас там происходит это ваше обучение, что-нибудь принадлежащее только ему, что-нибудь, что однозначно указывало на то, что я в курсе ваших отношений.

Мароция испуганно расширила глаза.

– Не бойся моя милая. Ну подумай, что он может с тобой сделать? Или это ты сама боишься потерять такого прекрасного учителя, а?

Теодора обняла свою дочь.

– Ничего не бойся, он в наших руках. А что ты думаешь? Чтобы чего-нибудь добиться в этой жизни приходится делать вещи неприятные и даже преступные!

– Я все исполню, матушка.

Вечером следующего дня Теодора получила от дочери сплетенную из золотых нитей кисть от папской подушки.

– Прекрасно, прекрасно, Мароция. Кстати, он не говорил тебе, собирается ли он в Равенну?

– Да, отбудет туда послезавтра.

– Это просто чудесно, моя дочура. Ну что же, значит, завтра мне необходимо ему будет сказать пару напутственных слов, чтобы дорога в Равенну для нашего святейшего Сергея была легкой и приятной. И принесла пользу всем нам.

Папа Сергей был немало смущен и озадачен, увидев в субботний день, на утренней мессе, в толпе молящихся и жаждущих причастия, жену сенатора и консула Рима Теодору Теофилакт. Нечасто эта ослепительная особа навевалась за папским благословением в Латеран, предпочитая, по слухам, молиться в базилике Святого Павла за Крепостными Стенами, где службы с недавнего времени отправлял кардинал Ландон. Одета в кроваво-красное платье, с такого же цвета паллой¹³ на голове, Теодора усердно пела молитвы и отбивала поклоны, благо прихожане, как по команде, предоставили ей достаточное свободное пространство. Некоторые, зная ее в лицо, сделали это из соображений почтительности, большинство же, состоящее из паломников, отодвинулись от нее инстинктивно, уж больно разительный контраст представляли ее одежды с их лохмотьями.

Служба перешла в стадию причащения и Теодора послушно встала в очередь. Несколько римлян, услужливо кланяясь ей, приглашали пройти вперед них, в надежде, что жена сенатора запомнит их небольшую услугу, но Теодора жестом отклонила все их предложения, одарив каждого чарующей улыбкой и подарив их сердцам некоторую надежду на осуществление карьерных планов. Приняв наравне со всеми Тело и Кровь Христа, Теодора не покинула базилику, и Сергей понял, что предстоит важный разговор. Из всех многочисленных возможных тем предстоящей беседы он боялся только одной.

– Рад видеть вас, прекрасная графиня, в величайшем Храме Господнем! Позвольте выразить вам мое восхищение цветом вашего лица и ослепительным сиянием глаз!

– Ваше Святейшество, подмеченное Вами суть результат прослушанной мной службы. Мой разум очищен, прежде всего, вашими стараниями. Слово Божие, излитое чрез Вас, наполняет светом мои глаза!

– Да, слово Господа нашего наполняет силой дух наш, вследствие чего все суетные наши проблемы и устремления кажутся нам ничтожными и смешными. Но, даже уменьшившись до невероятного размера, они, увы, не могут исчезнуть вовсе. Так и у вас, я вижу, есть ко мне какое-то дело, которое вносит сомнения в вашу душу даже после торжественной мессы.

– От вас невозможно ничего скрыть, Святейший. Я бы просила уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени, и прошу заранее простить, если моя просьба не согласуется с вашими планами на сегодняшний день.

– Для вас, обворожительнейшая из живущих, мой слух и разум открыт в течение всего дня и ночи. Где вы желаете, чтобы я выслушал вас? В приемной?

– О нет, разговор не должен касаться даже случайным образом чьих-то посторонних ушей. Лучше всего, если вы не возражаете Святейший, мы бы, наверное, смогли переговорить в ваших покоях.

Сергий уже почти готов был согласиться, как вдруг память преобильно толкнула его локтем в бок и напомнила о печальной кончине Бонифация Шестого. По слухам Теодора, на тот момент их со Стефаном и Агельтрудой послушная марионетка, выполнила приказ, навестив Бонифация именно в спальне. Что если?

– Нет, милая Теодора, мои кубикюларии как раз сейчас занялись обновлением моей постели, и мне было бы неловко нарушать их труд. Думаю, будет лучше и безопаснее для нашего разговора, если мы его проведем на свежем воздухе, скажем, в клуатре Латерана.

– Но мы не потревожим ваших кубикюлариев, если переговорим в вашей библиотеке.

Сергию решительно не нравилась настойчивость Теодоры, но он не нашел повода ей отказать. Папа и его спутница проследовали в библиотеку, прошли мимо широкого ложа, устроенного специально для чтения папой пространных и утомительных книг. Ложа, на котором лежали несколько подушек, тут же узанных Теодорой по их свисавшим золотым кистям. Папа сел за широкий стол, за которым он обычно вел занятия, а Теодора заняла одно из учениче-

¹³ Головной убор, покрывало, укрепленное на голове

ских мест. По иронии, она села на место своей дочери, и папа не мог не обратить внимания на этот факт.

«Да, они, конечно, на редкость похожи. Но в глазах матери я не вижу той чистоты и наивности, которые еще пока исходят от ее неискушенной дочери. Что же тебе надо на этот раз, какую опасную игру ты теперь затеваешь?»

– Уже целых три года наша Святая Церковь имеет в Вашем лице своего достойного пастыря! Три года в Италии царят мир и спокойствие и кто, как не преемник Святого Петра, молящийся за нас, своей рукой и своим авторитетом повинен в этом?!

– Благодарю за похвалу моим скромным деяниям, любезная Теодора, но три года срок, увы, весьма небольшой, чтобы можно было с уверенностью говорить, что мир на наших полях надолго!

– Да, это так, Святейший, спокойствие, даже управляемое вашей рукой, может оказаться весьма непрочным. Я получила печальное известие о кончине благочестивого Кайлона, архиепископа Равеннского и правой руки вашей!

Сергий и Теодора воздали молитву за упокой души усопшего.

– Равеннская кафедра по своей значимости является второй в Западном мире, – продолжила Теодора, – вы уже продумывали кандидатуру епископа?

– Почтенный Поджо, священник флорентийской Церкви Святого Лаврентия, видится мне достойной кандидатурой, – твердым голосом заявил Сергий, это решение он принял как окончательное, поэтому и говорил о нем столь безапелляционно.

– Вы все не можете забыть о своей привязанности к тосканскому дому?

– Благородная графиня, – сухо ответил ей Сергий, его вечно шурящиеся глаза сузились до щелочек, – мое решение проистекает из высоких достоинств отца Поджо, кроме того, не стоит забывать, что выборы епископа осуществляет община равеннской епархии и мой голос там далеко не единственный, хотя и весомый.

– И все же, Ваше Святейшество, появление человека, не связанного с интересами Рима на таком посту грозит в будущем возникновением непонимания между верховными иерархами, которое легко может перетечь в неподчинение и вражду. Особенно если этот человек обязан моей любимой подруге Берте.

«Можно подумать, что там, где за дело берешься ты, всегда воцаряется тишь да гладь», – подумал Сергий. Вслух же он ответил:

– Я не считаю графиню Берту Тосканскую и ее супруга врагами Рима и моими врагами.

– Так было до сего момента. Тосканский граф никогда не нападает, не создав себе значительного перевеса в своих козырях, но горе тому, кто попадает в его сеть без сил и поддержки. Адальберт давно зарится на земли Пентаполиса и со своим человеком на епископской кафедре в Равенне он может пуститься на любую авантюру, вплоть до неподчинения трону Святого Петра.

Сергию ее аргументы показались не слишком убедительными, но он решил сменить тактику и понять, чего хочет сама Теодора.

– В Ваших словах всегда присутствует мудрость и осмотрительность, Теодора. Поздравьте себя, вы поколебали мою уверенность. Но критика хороша, когда есть альтернативное решение проблемы. Есть ли оно у вас, несравненная красавица?

Теодора улыбнулась так, что заставила Сергия вспомнить Мароцию.

– Разумеется, Ваше Святейшество.

Сделав вид, что глубочайшим образом задумалась, Теодора, выдержав необходимую паузу, пошла в решительную атаку:

– Выбор должен быть сделан из святых отцов ваших земель. Только в этом случае папский престол будет избавлен от посягательств на его имущество со стороны хищных соседних сеньорий. Вспомните, сколько раз вашим людям приходилось оборонять ваши земли от набе-

гов вроде бы христианских владык Беневента, Тосканы, Капуи? Я целиком согласна с Вами, что нынешнее спокойствие только с виду кажется прочным и может быть нарушено в любой момент. Есть человек, который, помимо высших христианских достоинств, успел зарекомендовать себя, как преданный Риму мудрый правитель и храбрый воин. Я настоятельно рекомендую Вашему Святейшеству задуматься о кандидатуре Иоанна, епископа Болоньи.

И с этим словами Теодора, встав со своего сидения, склонилась в глубоком поклоне и стала дожидаться ответа. Сергей же нахохлился больше прежнего. Не сказать, чтобы он имел что-то против самого Иоанна Тоссиньяно, о котором местный клир отзывался весьма уважительно, если не считать одного пикантного момента, но папе больше всего претило стать зависимым от одной из этих соперниц, Берты и Теодоры, сколь красивых, столь и коварных.

– Ваша кандидатура, милая графиня, действительно вызывает уважение и я рад был бы ее принять, но.... Но вы забыли действующее правило Церкви, переход с одной епископской кафедры на другую запрещен!

– Ваше Святейшество, это правило еще недавно столько раз нарушалось, что....

– Вы сами отметили, мудрая Теодора, что последние годы принесли мир и спокойствие стране. Смуты же, войны и преступления как раз и объяснялись тем, что Формоз и его ученики попирали своими нечестивыми ногами это правило и по очереди узурпировали Святой трон.

– Вы, Ваше Святейшество, также воспользовались нарушением этого права, – мягко заметила Теодора, подмечая все нарастающее раздражение Сергея.

– Я, графиня, этого правила никогда не нарушал и, надеюсь, не нарушу и впредь. Да, я был рукоположен епископом города Чере все тем же Формозом, который этим назначением думал лишить меня права претендовать на престол Святого Петра! Однако вы забываете, что все, я подчеркиваю, все решения Формоза были признаны ничтожными самим собором Церкви!

– Который теперь называют Трупным синодом и чьи решения следующим церковным собором были также аннулированы, а значит....

– Ничего не значит! – вдруг заорал Сергей, потеряв остатки терпения. Опомнившись, он быстро перешел на шепот, в котором раздражение все равно время от времени выказывало свои огненные языки, – знаете что, Теодора, я вам скажу? Вы выбрали крайне опасный и неверный в принципе путь продвижения объекта вашей любви. До меня доходят слухи о ваших отношениях с епископом Иоанном, его паства жалуется, что вы занимаетесь с ним плотской любовью, не выходя из церкви Божьих. Я, заметьте, еще ни разу не дал этим слухам распространиться далее себя, во всем поддерживаю и благословляю вас и его, и верю, что ваши души не покинул Господь, но всему ведь есть предел! Вы представляете, насколько упадет авторитет Церкви, насколько возликуют ее враги, враги Рима, мои враги наконец, если ваш Иоанн, заняв, как вы справедливо отметили, вторую по значимости кафедру Церкви, продолжит жить во грехе с вами? Чего еще худшего может случиться тогда в мире?

– Только, если во грехе начнет жить сам папа Римский! – спокойно и четко произнесла Теодора.

Сергей на мгновение осекся. Этой доли секунды хватило Теодоре, чтобы окончательно убедиться, что Мароция ей не наврала.

– Надеюсь, что этого никогда не случится, – сказал Сергей, чьи нервы в многолетне-кипящем котле интриг успели закалиться до булатной стали.

Теодора молчала, с легкой «фамильной» усмешкой разглядывая его, и не спешила продолжить разговор. Шли секунды, и папе с каждым мгновением под этим взглядом становилось все неуютнее, этим молчанием Теодора нашла лучший способ вывести его из себя.

– Сожалею, графиня, что вынужден был отказать вам в вашей просьбе, но я прошу окончить разговор.

– Вы мне не откажете, Ваше Святейшество. Вы мне не сможете отказать.

– На чем основана такая уверенность?

– Вы не сможете отказать в просьбе тем, чья любовь настолько неистова, что разрушает любые преграды – христианские, общественные, военные, моральные.

Сергий усмехнулся.

– Вы не сможете отказать мне, ибо вы лучше прочих понимаете нас.

– Отчего же?

– Потому, что случилось более худшее, чем наша связь, и не кто другой, как именно вы находитесь теперь в такой же ситуации.

Сергий изобразил крайнюю степень возмущения:

– Знаете, что, Теодора, я всегда имел расположение к вам, но сегодня вы перешли все рамки. Что вы такое о себе вообразили, если обращаетесь к преемнику Святого Петра с оскорблениями, достойными казни их произнесшему?

– Если казни достоин тот, кто произносит напраслину и оскорбляет Церковь, то какое наказание должно ожидать епископа Рима за плотскую связь с пятнадцатилетней девицей, которую он якобы обучает премудростям наук?

– Я мог бы отдать вас под суд прямо сейчас, Теодора, – зашипел Сергей, все лицо его покрылось ярко красными пятнами, под цвет платья гречанки, – но я сделаю вид, что вас сегодня не видел и не слышал. Подите вон!

– Охотно удалюсь, Ваше Святейшество, но для начала я хотела бы вам вернуть то, что моя Мароция у вас забрала на память. Кажется, это вот от тех подушек?

И она протянула ему золотую кисть.

– Хотя нет, я оставляю это себе на память, до того момента, когда епископ Рима потащит меня в суд за клевету!

Сергий поник, на его голом черепе выступила обильная испарина. Теодора с удовлетворением разглядывала побежденного папу.

«Бедное дитя! И ведь хватает ей сил терпеть ласки этого мерзкого потного гнома! Впрочем, на что иной раз не пойдешь ради своей корысти и тщеславия! И мне ли не знать этого? Но все же она повзрослела слишком рано».

– Значит, она все рассказала? – сдался Сергей, – Умом она не в вас.

– Да, Святейший, рассказала, но не спешите укорять ее. Мне открылась ее тайна случайно. Я же мать и должна следить за своими дочерьми.

– У меня изначально было подозрение, что вы намеренно подложили ее под меня.

– Я не смогу доказать вам обратное, но уверяю, что это не так. В любом случае, Ваше Святейшество, вы польстились именно на ее молодость и красоту, избрав ее среди прочих.

– Да, польстился. И я чувствовал, что расплата за это настигнет меня еще в этом мире. Я чувствую теперь себя захваченным в рабство.

– О, не стоит меня бояться, Святейший. Наши интересы на самом деле совпадают практически всегда и во всем. Я могу быть уверена, что они теперь совпадут и в Равенне?

Сергий устало махнул рукой.

– Можете. Я теперь в полной вашей власти. Ваш конюх или поваренок имеет больше свобод, чем я. Одно ваше слово – и меня забьют камнями при первом же появлении в Риме, как несчастную папессу Иоанну.

– Ваше Святейшество, обещаю вам сохранить вашу тайну и не препятствовать вашим дальнейшим встречам с моей дочерью.

– Какая любезность!

– Я думаю, что ваши встречи будут более безопасными и вызовут меньше кривотолков, если будут проходить в нашем доме.

– Мне тяжело будет видеть ту, которая предала меня! А вы, вы, между прочим, позволяете себе рисковать своей дочерью! А что если это станет известно Риму? Ее казнят и казнят чрезвычайно жестоко!

– Она, как я уже успела убедиться, взрослая девочка и должна отдавать себе отчет в своих действиях.

– А если бы я продолжал упираться насчет назначения вашего Тоссиньяно, вы, вы пожертвовали бы ею? – Сергей вздрогнул от допущения самой такой мысли, перед глазами предстал образ Мароции, с мольбой протягивающей к нему руки за помощью.

Теодора была холодна как камень.

– Представьте себе, моя любовь заставила бы меня сделать даже это.

– Вы погубили бы свою дочь?

– Ради моего Джованни я с радостью погублю мир! К тому же, моя дочь рождена мной от человека, с которым меня в настоящее время мало что связывает, разве что общие интересы в городе.

Опасная оговорка. Сергей отметил эту оплошность и пообещал себе всенепременно этим воспользоваться. Возможно, это почувствовала и сама Теодора, поскольку торопливо заговорила о другом:

– Не держите зла на мою дочь и на меня, я уважаю и понимаю ваши чувства. В мире подчас столько глупых и досадных условностей и правил, что для любви там не находится места, и любовь завоевывает свое право быть, тесня эти условности и правила. Я влюблена, Святейший, и моя любовь не знает преград, и не признает законов, и потому и я, и мой любимый плевать хотели на осуждение всего мира. А вы и Мароция, вспомните ее сейчас, вспомните и немедленно ответьте – разве вы не испытали то же самое, когда впервые прикоснулись к ней? Разве она уже не погубила вашу душу? Разве мы теперь не понимаем друг друга? Если нет, то вы не любите ее.

Эпизод 5. 1661-й год с даты основания Рима, 22-й год правления базилевса Льва Мудрого (сентябрь 907 года от Рождества Христова)

Все утро следующего дня папа Сергей посвятил приготовлениям к своей поездке в Равенну. Человек недоверчивый, дотошный и хозяйственный, он вникал в каждую мелочь процесса сборов, ежеминутно проверяя и пересчитывая комплекты своего постельного белья, количество засоленных бараньих тушек и, особенно, корзин с вином, почему-то, по словам его слуг, более прочего подверженным случайным пропажам и уничтожениям. Отдельного внимания понтифика также удостоились священные реликвии, предназначенные для подношения в дар новому архиепископу Равеннскому, и дорогая кухонная утварь.

Сергий с радостью погрузился с головой в заботы, посвященные предстоящему отъезду. Хлопоты позволяли ему хотя бы ненадолго отвлечься от тяжелых мыслей, обуревавших его сознание после визита Теодоры. Сергей досадовал на себя, на Мароцию, на ее мать, всюду сующую свой нос, и вообще на весь Божий свет. Еще вчера он чувствовал себя могущественнейшим из живущих, чье слово с придыханием ловят самые сильные мира сего и воспринимают как непреложную истину, еще вчера он, собираясь в Равенну, представлял, как милостью своею будет одаривать тамошний клир и повелевать местными и пришлыми баронами. А сегодня Сергей ощущал себя безвольной марионеткой, которую ловкая женщина, направляет к черту на рога, где он будет, нарушая все церковные правила, навязывать собору ее желание видеть своего любовника в пурпурной сутане епископа. До чего же, однако, изобретательная в своих методах карающая длань Господа – за свое прелюбодейство он будет устраивать и потакать прелюбодейству чужому!

Площадь перед Латеранским дворцом постепенно заполнялась папским обозом. Римляне и гости города жались по краям площади, с любопытством взирая на приготовления и желая лично проводить в дальнюю дорогу преемника Святого Петра. К полудню явилась сотня городской милиции, которой в течение будущего месяца надлежало стать личной охраной папы. Опцион¹⁴ милиции почтительно преклонил знамя Рима к ногам папы и передал Сергию рекомендательное письмо на себя, подписанное Теофилактом. Папа приветливо кивнул солдатам и мысленно поблагодарил Теофилакта за столь внушительный отряд – несмотря на спокойствие последних лет ни в коем случае нельзя было забывать о мусульманских и христианских разбойниках, орудовавших на дорогах Италии.

Вслед за охраной на площади перед Латераном появились роскошные носилки убранные ярко-красными тканями с перемежающимися на нем изображениями византийского орла и римским девизом S.P.Q.R.¹⁵, использование которого впервые, после гибели Великой Империи, возвращалось в моду. При виде их Сергей вновь насупился, а мрачные мысли начали досаждать вновь. Носилки принадлежали семейству Теофилактов.

«Опять ты. Что тебе еще надо от меня? Решила нагрузить меня в дорогу еще парой своих невинных просьб? Дорого же мне обойдется, я чувствую, моя слабость в отношении к ее дочери. Как же ловко они меня развели!»

Дверь носилок открылась и на подножке появилась крохотная узкая ступня. Сердце старого папы екнуло, словно у молодого любовника, дождавшегося глубоко за полночь шагов своей возлюбленной. Носилки находились от папы на почтительном расстоянии, сам Сергей

¹⁴ Младший командир (визант.)

¹⁵ «Senatus Populus que Romanus» – Сенат и народ Рима

страдал сильной близорукостью, но все это не помешало ему пусть не увидеть, но почувствовать – это не Теодора, это она!

Мароция подошла к нему и склонила голову для благословения. Папа произнес дежурные слова, напустив на себя вид чрезвычайно холодный и обиженно-строгий. Рядом продолжали сновать слуги, Мароция немного растерянно обернулась по сторонам и Сергей, поняв ее намерения, отвел ее в глубину колоннады.

– С каким очередным заданием от своей матушки вы прибыли ко мне, дитя мое? – без обиняков и прелюдий начал Сергей.

– Я прибыла сюда, чтобы пожелать доброго пути моему покровителю, епископу Рима, имужчине, который мне дорог.

– Вот как! Настолько дорог, что любая тайна его вашими милыми устами становится достоянием гласности? Настолько дорог, что вы воруете кисти от подушек его опочивальни?

– А что мне было делать? Мать обнаружила мою великую потерю, и мне надо было что-то отвечать и как-то объясняться. Если бы я сказала про Анастасия, боюсь, ее реакция была много хуже. Я была неправа?

– В отношении себя вероятно правы, Мароция, но ваши слова чрезвычайно навредили мне, и я еду в Равенну с тяжелым сердцем.

– Много ли времени займет ваша поездка?

– Недели три, может быть месяц.

– Что же мне делать в ваше отсутствие, каких развлечений искать?

– Мароция, мне решительно не нравятся ваши слова.

– Отчего же? Вы уезжаете на такой срок и оставляете деву томиться в неудовлетворенной любовной страсти. А, может быть, вы позволите мне встретиться с Анастасием? – добавила она, приняв вид глупенькой и пустой девчонки.

– Вы говорите поразительные глупости, Мароция! И, кстати, спасибо, что напомнили про Анастасия, надо будет его взять с собой.

– Я смотрю, в Равенну собирается весьма многочисленная компания.

– Да? Кто-то еще собирается на выборы епископа?

– Да, моя мать.

Сергей, невзирая на свое пребывание в святом месте, негромко чертыхнулся. Мароция округлила на него свои темные глаза и весело расхохоталась.

– Не любите вы, оказывается, нашу семью, Ваше Святейшество! Странно, мои родители всегда блюли ваши интересы и немало сделали для вашего выдвижения. Мой отец является главой вашего города, я пала под вашим обаянием и страстью, и, тем не менее, наша фамилия заставляет вас призывать Люцифера!

– Ваш отец и вы значите для меня совсем иное, чем ваша мать, Мароция, – сказал Сергей и вспомнил вчерашние слова Теодоры.

– Чем вам не угодила моя матушка? Она оказалась целомудренней меня?

Сергей некоторое время молчал, глядя на Мароцию, и пытался понять, говорит ли та искренне, играет ли с ним в кошки-мышки по примеру своей матери, и насколько Мароция готова воспринять то, что он ей скажет. Наконец он решил.

– Мароция, душа моя, выслушай меня до последнего слова и постарайся не перебивать. Я не виню тебя в том, что ты рассказала своей матери о наших отношениях. Ты дорога мне, как дорог последний луч солнца, скользящий по постели больного, который больше всего боится, что никогда более не увидит его. Ты еще слишком юна, чтобы разбираться во всех тонкостях интриг, но рано или поздно тебе предстояло бы этому научиться и как раз в твоём случае эта пора, похоже, наступила слишком рано. Итак, слушай, какие события нас всех ожидают в Равенне, и оцени сама, какую роль в этом сыграли наши отношения, переставшие быть тайной.....

Сергий передал в подробностях свой разговор с Теодорой, не жалея словесных красок при описании страсти Теодоры к епископу Иоанну, опуская пафосные слова сенатриссы о силе настоящей любви и, наконец, дословно процитировав слова Теодоры об ее отношении к своему мужу. По мере его слов, лицо Мароции все более мрачнело, слова Сергия о взаимоотношениях ее родителей повергли дочь консула в заметную печаль.

– Признаться, я замечала и удивлялась тому, что мои родители весьма холодны в общении друг с другом, но я считала, что, таким образом, они дают нам пример сдержанности и уважительного отношения. Отец действительно странным образом реагировал на поездки матери в Болонью и имя Джованни да Тоссиньяно я тоже несколько раз слышала.

– Вы можете подумать, дитя мое, что я возвожу напраслину на вашу мать. Прошу вас, найдите в себе силы и смелость заговорить об этом с вашим отцом.

– Я так и сделаю. Я обязательно так сделаю.

Отойдя от Сергия и глядя враз повзрослевшими глазами на площадь, Мароция заговорила сквозь зубы зло и презрительно:

– Раскрыв мою тайну, моя мать более всего упрекала меня не за сам факт потери мной невинности. Более всего она боялась, что я сделала это, повинувшись своей похоти, с кем-то неблагородного рода. Видите ли, она готовила меня для большой партии! Именно это заставило меня сказать о вас и умолчать об Анастасии. И что теперь выяснилось? Что моя мать сама спуталась с каким-то простолюдином, который, видимо, ублажает ее настолько, что она, забыв про мужа, который вытащил ее из греческой грязи, теперь делает тому карьеру и ради этого готова даже пожертвовать мной. Как это все нечестно и... больно! – последние слова Мароция произнесла, немного всхлипнув.

Сергий подошел к ней, ему безумно хотелось обнять и успокоить любимую, но, понятное дело, он не мог себе этого позволить, зная, что с площади за ним жадно наблюдают сотни глаз, пытаясь понять, о чем почтенный папа разговаривает с богатой девицей.

После небольшой паузы, Мароция, вдруг усмехнувшись, незаметно и легко ударила его по руке.

– Ну а вы, стало, быть, теперь едете в Равенну послушно исполнять ее указания? Ну а чтобы вы не вздумали своевольничать и чтобы первой поздравить своего обожаемого, моя матушка едет вместе с вами, ведь так?

– Да, и я не вижу в этом ничего забавного. Ваша мать и этот Иоанн на этом не остановятся. Следующей их целью будет трон Апостола Петра.

– Вы опасаетесь за свою жизнь?

– Несильно. Зная про наши отношения, они могут и не форсировать события, ведь они всегда могут шантажировать меня тобою и оставаться уверенными, что я все для них сделаю. А вот после моей смерти, ваша матушка непременно посадит папой этого Джованни. Ваша мать тогда заменит вас, – нашел в себе силы для невеселой шутки Сергий.

– Я постараюсь сделать все возможное, чтобы этого не случилось.

– Но как, душа моя? Вы столь юны и неопытны.

– Я постараюсь, – настойчиво и твердо повторила Мароция. Поклонившись Сергию, она поцеловала ему руку, тот осенил ее крестным знаменем и прошептал «Храни, тебя Господь!». Она подняла на него свои темные глаза и также прошептала:

– Береги себя!

Едва ее носилки мерно отплыли с площади в направлении Капитолия, как с противоположного угла ее появились точно такие же, в сопровождении дюжины вооруженных греков – Теодора Теофилакт, приветливо улыбаясь римлянам из окна носилок, спешила взять поездку папы под свой личный контроль.

Эпизод 6. 1661-й год с даты основания Рима, 22-й год правления базилевса Льва Мудрого (сентябрь 907 года от Рождества Христова)

Спустя неделю кортеж папы Сергия и Теодоры Теофилакт достиг Равенны. Старый город в течение последних десяти лет, со дня проведения соборов здесь папой Иоанном Девятым и императором Ламбертом, не видывал такого наплыва уважаемых гостей и теперь потирал руки, надеясь на успешные продажи. Конечно, основные разговоры на перекрестках, площадях и рынках города велись о возможной кандидатуре на пост архиепископа Равеннского, который в то время в Италии действительно считался вторым иерархом католической церкви. Достойных кандидатов было множество, впрочем, у каждого, стараниями дотошных критиков, достаточно быстро выискивались и существенные пороки. Явного, как сказали бы сейчас, фаворита в предстоящих выборах епископа не было и в помине, и эта неопределенность только подогревала интерес и вызвала дополнительный наплыв пилигримов и коммивояжеров в Равенну. В тоже время светские правители Италии на сей раз проявили удивительное равнодушие к исходу выборов – в Равенну не приехал ни один маркграф, ни из Сполето, ни из Тосканы, ни из Ивреи, отсутствовали и сеньоры южноиталийских земель. В результате исход выборов целиком зависел от решения церковного собора, на котором голос папы имел вес решающий. Что до плебса, то, по всей видимости, он готов был встретить с радостью и почтением любого предложенного кандидата, который не покусится на щедрые подношения.

Аналогичного ждали и от прибывшего в Равенну папы Римского. Местные жители, разумеется, прекрасно были осведомлены о том, что Сергий управляет своими патримониями в разумно жесткой манере, все долги за время лихолетья с папских арендаторов были аккуратно взысканы, уплата налогов подверглась давно требовавшей того систематизации, но взамен этого Сергий в своих владениях предоставил ощутимые льготы городским ремесленным школам и купеческим артелям. Вследствие всех этих мер папская казна, до того влачившая жалкое существование, при папе Сергии испытывала давно забытое чувство приятной пучности, и позволяла себе осуществлять такие траты, как восстановление Латеранского дворца, а также значительные субсидии разоренным монастырям Субиако и Фарфы, пострадавшим от сарацин. Граждане Рима исправно получали хлеб, мясо и вино, выезды папы сопровождались обильными милостынями, и жители Равенны имели основания считать, что милость и щедрость понтифика распространится теперь и на них. В результате, как только папский поезд оказался в видимости равеннских стен и на всех базиликах города переливчато зазвенели колокола, народ, позабыв о своих насущных делах, бросился к своей главной базилике Сан-Витале встречать главу христианского мира.

Состояние толпы достигло своего восторженного экстремума в момент, когда папские носилки, под рев труб местных герольдов и нескончаемого звона колоколов, остановились в центре площади перед базиликой, и из носилок вылез тщедушный и подслеповатый Сергий. Городская милиция выбивалась из сил, пытаясь отеснить толпу от понтифика, который живенько проследовал к ступеням церкви, на которых его приветствовал местный клир. Сергий моментально углядел в толпе встречающих статную фигуру Джованни да Тоссиньяно, высившуюся над прочими старцами, в большинстве своем согбенными под гнетом прожитых лет. Иоанн к тому же был единственным, кто не пожирал вождельным взглядом приближающегося понтифика, его взгляд был устремлен несколько в сторону от Сергия и тот, слегка обернувшись по ходу движения и в направлении взгляда Иоанна, ожидаемо узрел фигуру Теодоры, которая смело продвигалась вдоль толпы и время от времени бросала людям россыпь нуммий.

В первый день приезда папы никаких значительных мероприятий не предусматривалось. После дневной мессы понтифик направился в усыпальницу равенских епископов, где отдал последние почести скончавшемуся епископу Кайлону – уважаемого отца церкви местный клир похоронил десять дней тому назад. Затем во дворце эцарха папу и его сопровождающих ждал торжественный, но печальный ужин, в течение которого папа, ссылаясь на свою усталость, даже запретил своим сотрапезникам обсуждать выборы епископа.

Следующий день, когда должно было состояться обсуждение кандидатур на пост епископа местной церкви, не задался с самого начала. Уже утром пошел противный осенний дождь, и было принято решение собрать высший церковный клир не на центральной площади города, а в стенах все той же базилики Сан-Витале. Впрочем, папа Сергей был одним из немногих обрадовавшихся данному факту, ибо нарушать церковные законы в узком кругу зависимых от тебя людей не в пример спокойнее и безопаснее, нежели пред лицом буйной и своевольной толпы.

Синод начал свою работу сразу после полудня. После нескольких церемоний, посвященных, в основном, памяти архиепископа Кайлона, заговорил папа Сергей. Все, кто доселе знал понтифика и слышал его речи, наверное, были удивлены тому, как вяло и апатично тот вел свой монолог. Это удивление было вполне оправданным. Сергей действительно говорил против своей воли и желания, приводя в доказательство своей правоты аргументы, которые он сам страстно желал опровергнуть, говорил о версиях, в справедливость которых сам не верил ни на йоту, да к тому же постоянно чувствовал на себе пронзительный взгляд римской шантжистки, которая в этой зале была самой внимательной его слушательницей. На лице Теодоры время от времени появлялась отчетливая досада, когда она слышала фальшивые нотки в скрипучем голосе Сергея или же когда его аргументация хромала на все четыре лапы. Тем не менее, Сергей до капли испил свою чашу унижений и, начав с политической ситуации вокруг Равенны и важности правильного выбора, закончил свою речь предложением Джованни да Тоссиньяно, епископа болонской церкви, на пост архиепископа великой Равенны.

Подавляющее большинство священников ожидало от Сергея все что угодно, но только не это. Флорентийский священник Поджо, которому Сергей успел если не прямо пообещать паллий, то хотя бы намекнуть на него, как на достойного кандидата на равеннскую кафедру, растерянно вертел головой, пытаясь во взглядах коллег отыскать ответ на мучивший его вопрос. Недовольные голоса не замедлили появиться. Первым энергично вскинул руку Евстафий, аббат монастыря Нонантола, находившегося под юрисдикцией равеннского епископата. Полный, краснощекий аббат, с кудряшками черных волос по вискам, делающих его похожим на раввина, повел свою речь, задыхаясь от праведного гнева, его переполнявшего:

– Братья мои во Христе! Что слышу я? Устами ли Святого Петра говорил сейчас с нами епископ Рима? Что предлагается нам? Достаточно ли Риму нарушать законы церкви, прямо запрещающие переход с одной епископской кафедры на другую? До сего дня сим грешил один Рим, что, кстати, не принесло ему бенефиций от нарушений устоев Церкви, да и не могло никоим образом принести, но сейчас уже нам предлагается последовать его примеру? Ничего не имею против отца Иоанна, он заслужил доброе имя делами своими и верой своей, но законы церкви писаны для всех и ими не должно пренебрегать, какие бы трудности перед церковью сейчас не стояли!

Сергий слышал эту речь отца Евстафия и соглашался с ним в каждой его фразе, каждой его букве. Он страстно желал, чтобы собор подхватил слова аббата, и гневно и дружно протестовал бы против кандидатуры, выдвинутой Римом. Тогда бы он с миной скорби смог бы сокрушенно развести руками перед Теодорой, дескать, что поделать, слово собора выше слова верховного иерарха, а он сделал все, что мог. Он украдкой глядел на Теодору, та нервно кусала губы и переговаривалась с высоким худым мужчиной с черной, как смоль, бородой.

В итоге отец Евстафий, благо других кандидатур предложено не было, предложил на пост архиепископа Равеннского самого себя. Собор проголосовал дважды, и по нему, и по Иоанну, и оба раз предложенные кандидаты были отвергнуты большинством голосов. В итоге церковный собор зашел в тупик, и было решено провести повторное заседание на следующий день.

Папа Сергей не успел вернуться в свои покои, которые были отведены ему во дворце экзарха, как на него вихрем накинута Теодора.

– Ваше Святейшество, – почти кричала она, ее прекрасное лицо искажалось досадой и нетерпением, – вы известны миру, как прекрасный оратор и человек, искушенный в дискуссиях. Что же я увидела сегодня? Куда девалось все ваше хваленое красноречие?

– Я прошу вас, Теодора, прежде всего, сменить тон и впредь не забывать, с кем вы разговариваете. Кроме того, предложите, если знаете, вариант действий и железную аргументацию, которую можно было бы привести в споре с этим аббатом. Он, кстати, был очень убедителен.

Теодора запнулась. Несколько минут ушли у нее на раздумье, в течение которых Сергей насмешливо и почти победоносно смотрел на нее.

– Вы правы и прошу покорно меня извинить. Вопрос серьезный и поэтому прошу вас перенести следующее заседание собора с завтрашнего дня на два дня спустя.

– Я думаю, это в моих силах, – ответил Сергей.

Следующий день прошел без происшествий, а утро четвертого дня с момента приезда папы ознаменовалось новым нашествием колокольного боя. Равенна торжественно приветствовала появление в своих стенах короля Италии Беренгария Фриульского!

Узнав об этой новости, Сергей заскучал еще сильнее. Его отношения с Беренгарием были весьма прохладными после того как выяснились подробности веронских событий трехлетней давности, закончившиеся ослеплением Людовика Прованского. Понятное дело, Беренгарий прибыл для того, чтобы собственной персоной поддержать епископа Иоанна, который воевал бок о бок с ним в Вероне. Присутствие короля преследовало цель повлиять на сомневающимся прелатов, участвующих в выборе епископа, а также должно было придать дополнительный вес всем решениям текущего церковного собора.

Вечером того же дня, на пышном ужине, король Беренгарий пригласил в укромную залу папу Сергия, Иоанна, Теодору, а также того высокого чернородого мужчину, с которым Теодора оживленно разговаривала во время первого заседания собора.

– Мне доложили о возникших проблемах с утверждением досточтимого Иоанна в сане архиепископа Равеннского, – начал свою речь Беренгарий, – со своей стороны спешу заметить, что лучшей кандидатуры я не вижу, а посему необходимо склонить собор в пользу отца Иоанна.

– Это является нарушением правил Церкви, и только поэтому собор не поддержал эту кандидатуру, – ответил Сергей.

Чернородый мужчина разразился монологом, не слишком вписывающимся даже в вольный этикет тогдашних светских дворов. Иоанн остановил его вовремя и твердо:

– Петр, брат мой, прошу вас взять себя в руки. Синод не послушные рабы и колонны, на его решения надо влиять разумом и кошельком.

– Последний ваш метод может быть очень продуктивным, – заметил Беренгарий.

– К сожалению, мы не обладаем возможностями Адальберта Тосканского, поэтому можем применить его только к особо мешающим нам лицам. К примеру, можно попробовать утихомирить этого аббата, – сказала Теодора. Вид у нее был заметно утомленный, перед этим советом у нее состоялось свидание с Иоанном, на котором последний, по всей видимости, чрезвычайно преуспел.

– Я знаю этого аббата не понаслышке, – возразил Иоанн, – он в свое время метил на кафедру Болоньи и, упустив ее, всю вину за это возложил на меня. Его будет трудно подкупить.

– Аббатство Нонантола сильно пострадало от сарацин, – заметила Теодора, – будет в высшей степени справедливо, великодушно и совершенно во славу Божию, если епископ Рима поможет своими средствами восстановить аббатство.

Сергий склонил голову в знак согласия. А что еще он мог сделать?

– Однако, помимо Евстафия, было множество других недовольных, – заметил папа.

– Да, и, по всей видимости, нам ничего не остается сделать, как прибегнуть к методу, испытанному еще вашим покровителем, покойным папой Стефаном.

– Что вы имеете в виду?

– Не остается ничего иного, как предложить объявить всех пап, наследовавших Стефану, антипапами и отменить, тем самым, все рукоположения, совершенные ими. Кажется, Святейший, вы некогда сами заявляли о таком намерении.

– Для этого необходимо созывать полномочный церковный собор! – сопротивлялся Сергий.

– За чем же дело стало? Свое решение относительно пап Иоанна и Бенедикта, а также временщиков Льва и Христофора, вы можете объявить самостоятельно и потребовать созыва собора в Риме, на котором эти решения войдут в полную силу.

«И все это только для того, чтобы твоего любовника сделать архиепископом Равенны», – подумал Сергий. Эти слова ему хотелось бросить в лицо Теодоре, которая так невозмутимо разговаривала о нарушениях церковных правил и об анафематствовании пап, словно речь шла о засолке огурцов!

– Да, это мудрое и единственно правильное решение, – подвел черту Беренгарий, – надеюсь, наш папа Сергий не имеет на сей счет возражений? Вас, как ученика папы Стефана и убежденного противника Формоза, такие решения должны только радовать!

Сергию пришлось сделать вид удовлетворенного в своих амбициях человека.

На следующий день, в присутствии короля Беренгария, папа Сергий на заседании церковного собора озвучил свои намерения объявить всех пап, избранных после Стефана Шестого, антипапами, а значит аннулировать все совершенные антипапами рукоположения. Заслышав это, большинство священников приуныло. По всему выходило, что теперь их сан должен получить дополнительное подтверждение в Риме, а значит, необходимо было проявить сейчас максимальную лояльность к решениям или капризам папы. В связи с этим, голосование по кандидатуре Джованни да Тоссиньяно на пост архиепископа Равенны завершилось почти единогласным одобрением. Против выступил только Евстафий, который, после оглашения результатов голосования, с кучкой единомышленников покинул пределы базилики Сан-Витале, перед выходом объявив собору о том, что его аббатство будет добиваться выхода из под юрисдикции равеннского епископата. Дело было сделано!

Так во всяком случае думал Сергий, находясь на торжественном пиру, который, спустя два дня после процедуры выборов и рукоположения Иоанна Тоссиньяно, был устроен в честь новоиспеченного архиепископа. Однако, он ошибался.

Еще сутки спустя, когда папа уже отдал приказания своим слугам готовиться к отъезду в Рим, он получил письмо от Беренгария, в котором последний просил папу встретиться с ним в абсиде собора Сан-Витале для проведения архиважных переговоров. Явившись вечером в главный собор Равенны, Сергий, в тусклом свете факелов, за широким, специально для беседы вынесенном, столом увидел все те же лица, которые напутствовали его накануне второго раунда епископских выборов. Ожидавшие его сановники были заметно напряжены, как люди, перед которыми предстоит принятие рискованного и судьбоносного решения.

По центру стола восседал Беренгарий, рядом с ним Иоанн Тоссиньяно, теперь уже архиепископ Равеннский. Теодора, напротив, заняла место с краю стола. Ее задумчивый взгляд то и дело скользил по великолепным зелено-золотым мозаикам, украшавшим абсиду церкви.

Более всего ее, конечно же, привлекала фигура императрицы Феодоры, стоявшей в окружении своей свиты.

«Четыреста лет назад, она начинала, как и я.... Как и я И она стала императрицей, и Великая Империя заставила всех в последний раз вспомнить о себе. Ее звали так же, как и меня. Господи, Податель Света, мне кажется или она даже чем-то похожа на меня? Или это я похожа на нее? Способна ли я на что-то подобное, что удалось ей?» – размышляла Теодора, разглядывая императрицу. Та, стоя с потиром в руке, милостиво взирала на собравшихся и выражение ее лица, казалось, отвечало на вопрос Теодоры утвердительно.

Прочтя короткую молитву во здравие папы Сергия и Иоанна, архиепископа Равеннского, Теодора первой начала разговор. Ее по-прежнему утомленный вид и круги под глазами свидетельствовали о необычайной физической силе Джованни да Тоссиньяно.

– Благодарение Господу за то, что с восшествием на престол Апостола Петра наидостойнейшего преемника, в Италии воцарились мир и спокойствие. Интриги больше не провоцируют войны, варвары перевели свои алчные взоры на другие земли, поскольку знают, что здесь они найдут мужественный и беспощадный отпор. Нам всем стоит молиться за то, чтобы этот мир сохранялся как можно дольше. Утверждение Святейшим папой Римским Сергием нового архиепископа Равеннского, уверена, еще более укрепит границы нашей страны и устршит наших врагов. Но, увы, такое равновесие не может продолжаться долго, если не принять к тому специальных мер. До сего дня смерть короля Италии или епископа Рима приводила к неминуемым вооруженным столкновениям, в которых лилась кровь достойных христиан. Как избежать этого в будущем? Мнится мне, единственный способ избежать новых кровопролитий и бессмысленной борьбы за власть это заблаговременно назначить наследников на королевские и папские престолы.

Сергий оглядел собравшихся. Похоже, что ни для кого из них слова Теодоры не явились сюрпризом. Она говорила только ему и только его одного она ставила перед фактом, уже обсужденным с остальными ранее. Даже Беренгарий, очевидно, имел тесную переписку с Теодорой и, по всей видимости, именно это, а вовсе не выборы архиепископа, стали главной причиной появления короля здесь.

– Император Людовик, помазанный папой Бенедиктом, очевидно, не может исполнять вверенные ему функции, будучи лишенный зрения и проживая вне пределов Империи, – продолжала Теодора. Ее перебил Беренгарий:

– Такая ситуация наблюдалась и тогда, когда Людовик был здоров, бодр и видел дневной свет.

– Да, совершенно верно. К тому же сегодня Святейший папа Сергий объявил о созыве собора, на котором будет поставлен вопрос о признании папы Бенедикта антипапой, а значит, все его решения, касающиеся не только церковных, но и светских правителей, будут объявлены ничтожными. Стало быть, императорский трон ныне вакантен и я не погрешу против истины, если скажу, что единственным достойным кандидатом на корону Карла Великого является присутствующий здесь Беренгарий, благородный и благочестивый король Италии.

Все, кроме папы Сергия, встали из-за стола и низко поклонились Беренгарию. Тот ответил им всепонимающей лучезарной улыбкой.

– Такое решение должно быть обсуждено с маркграфами и дуксами Империи. Некоторые из них имеют основания также претендовать на императорскую корону, – неуклюже начал строить свою линию защиты Сергий, досадуя на то, что он так легко попался на удочку с этой идеей о церковном соборе, который еще мгновение назад представлялся совершенно излишним, в виду того, что архиепископ Равенны был благополучно выбран. Представлялся Сергию, но не всем остальным в этом собрании.

– Позвольте узнать, с кем из светских правителей Италии в свое время советовался папа Бенедикт, или папа Иоанн Тибуртинский, заваривший все это? С кем задумывался, не к ночи

будь помянутым, папа Формоз, когда короновал Арнульфа Каринтийского? – заговорил Петр Ченчи, брат Иоанна. Голос его был высокий, резкий и неприятно ранил слух.

– Но мы все осуждаем деятельность всех вышеназванных пап и не хотим ведь уподобляться им в своих решениях?

– И что теперь? Из-за подобной щепетильности до скончания веков терпеть своими сеньорами каких-то бургундских выскочек?

– Да! – как-то не совсем к месту поддакнул Беренгарий Фриульский.

– Не стоит ссылаться, Ваше Святейшество, на мнение маркграфов и герцогов, каждый из них мнит себя императором и ради этих целей готов выпустить реки крови, советоваться же с ними дело заведомо бесполезное, ибо никакое конкретное решение с ними достигнуто не будет. И потом, мало ли мутит воду Адальберт Тосканский? Достойным ли христианином предстает Альберих Сполетский? Являются ли хоть в какой-то мере значимыми претендентами герцоги Капуи и Салерно? – сыпал доводами Иоанн.

– Известно ли вам, что у меня на руках имеется кодекс, в котором слепой Людовик перед казнью подписал свое отречение? – второе подключение к разговору Беренгария было намного удачнее первого. Но Сергей парировал и этот выпад:

– Да, ваше высочество, известно. Как известно мне существование другого кодекса, в котором Людовик объявил своим наследником, в случае своей смерти, Гуго Арльского, сына Берги.

– Скажите прямо, Ваше Святейшество, имеете ли вы что-то против кандидатуры находящегося здесь благочестивого Беренгария? – в лоб спросил его Петр.

Бывают моменты, когда соблюдение искусств дипломатии только мешает делу и затягивает время. Вопрос Петра застал Сергея врасплох. Можно было еще долго и выспренне забалтывать тему о возможных кандидатах на императорскую корону, цитировать к месту и не очень Священное писание, но теперь, когда взгляды всех присутствующих обратились в ожидании ответа на тебя одного, только здесь и прямо сейчас надо было либо заявить о своей лояльности к Беренгарии, либо раз и навсегда перечеркнуть все взаимоотношения с ним.

– Я считаю Беренгария Фриульского примерным христианином и достойным покровителем своих подданных, – тихо произнес Сергей, но также твердо добавил, – но в настоящий момент жив и здравствует Людовик, помазанный в соответствии с законами Церкви.

– Значит, собор необходим, только он может разрубить этот гордиев узел. Надеюсь, после решения собора в отношении Беренгария вас уже ничто не будет связывать? – спросила Теодора.

– Ничто, – Сергей был загнан в угол.

– Предлагаю издать вам специальную буллу, в которой права Беренгария будут документально закреплены, – с восторгом победителя заявила графиня Тусколо.

– Булла может касаться только проведения собора с указанием главных тем, планирующихся к обсуждению.

Теодора растерянно взглянула на своего Джованни, но тот ответным взглядом подтвердил ей, что это максимум того, чего сейчас можно выжать из папы.

«Ну что же, значит, все вопросы надо будет решить на этом соборе. Обещаю тебе, Святейший, что к тому моменту ты будешь куда сговорчивее, в чем мы, с дочерью, постараемся», – подумала она.

– Да будет так, – громко возгласили Петр и Иоанн.

– Да будет так, – тихо добавил Сергей и собрался уже встать со своего кресла, однако Петр жестом его остановил:

– Мы еще не все обсудили, Ваше Святейшество, – не слишком вежливо произнес Петр.

«Самое худшее, обычно, оставляют напоследок. Что же можно придумать еще более худшее? Что, как не судьбу папского трона?» – подумал Сергей. И не ошибся. Теодора вновь заговорила с обольстительной улыбкой смертоносной сирены:

– Правление короля Беренгария навело порядок в светских делах Северной Италии и, благодаря вашему решению, его мудрая и сильная длань распространит свое влияние на все франкские и итальянские земли. Его правление, в сочетании с вашим руководством Святой католической церковью, поднимет авторитет Италии до высот Великой исчезнувшей империи. Но все мы смертны. И если король Беренгарий, статусом своим может рассчитывать на производство наследника своего, то как быть со Святым Престолом после вашей кончины, которая, надеюсь, случится нескоро, в чем мы неустанно воздаем молитвы Создателю?

– Выборы нового епископа Рима осуществляются по законам, составленным нашими предками, где нет места праву наследования, – сказал Сергей.

– Все так, но даже эти правила изменялись с течением лет. Когда-то епископа Рима избирал городской плебс, и так продолжалось до той поры, пока чернь не усадила на трон Апостола антипапу Урсина¹⁶, весьма похожего, Святейший, по манере своих действий на вашего предшественника Христофора. Теперь же до сведения плебса доводят уже готовое решение синода и светских правителей. Когда-то выборы папы не могли быть признаны действительными без одобрения сначала византийского императора, затем равеннского экзарха, а до недавнего времени франкских королей. Сейчас светский и церковный Рим снова имеет свободу выбора своего епископа!

– И что же вы предлагаете?

– Уже сейчас выбрать достойного христианина, который станет вашим наследником. И Рим будет знать его имя уже сейчас, и заранее, без всяких смут и крови, одобрит ваш выбор. А если не одобрит, у вас будет время предложить им другого кандидата.

– В истории Рима уже был случай, когда папа Феликс¹⁷, еще при своей жизни, назначил себе преемника. Без смуты и крови, как раз, не обошлось.

– От смуты, порождаемой кознями Люцифера, трудно уберечься. Однако Господь одобрил выбор папы Феликса, иначе как еще объяснить тот факт, что конкурент папского преемника, антипапа Диоскор¹⁸, был поражен скорой и внезапной смертью?

– Все звучит логично, графиня Тусколо, с вами трудно спорить, но кого же вы предлагаете на пост епископа Рима? Уж не новоиспеченного ли архиепископа Равеннского? – не скрывая своего раздражения, бросил Сергей, пряча от всех глаза.

– А почему нет, Ваше Святейшество, если епископ Иоанн оставит о себе доброе мнение? Разве не самый достойный христианин должен избираться на пост преемника Святого Петра? – Теодора, сама того не подозревая, задала Сергию тот же вопрос, какой однажды ему задала Мароция.

– И вы предлагаете буллой закрепить права Иоанна в будущем занять престол Апостола?

– Вот именно. Заблаговременный выбор избавит Рим и Италию от ненужных смут.

– Я нахожу ваше предложение нарушающим устои Церкви и не поддерживаю его. Я считаю Иоанна достойным христианином, но он находится в середине своего жизненного пути и одному Господу известно, как он пройдет свою оставшуюся половину. Ровно также я выскажусь о любой кандидатуре, которую мне предложат сейчас в преемники. Кроме того, спешу напомнить, что Иоанн является отныне епископом Равенны и стать епископом Рима он может единственно, если объявят антипапой теперь уже меня самого!

¹⁶ Урсин (? -ок.384), антипапа в 366—367гг.

¹⁷ Феликс Четвертый (? -530), римский папа (526—530), святой католической церкви, при жизни своей назначил своим преемником Бонифация Второго (? -532), что вызвало беспорядки в Риме

¹⁸ Диоскор (? -530), антипапа, в 530 году большинством пресвитеров Рима был объявлен папой, но умер спустя три недели после избрания.

Воцарилось молчание. Сергей, по всему, нашел неотразимый аргумент и начал выигрывать эту схватку. Вполне удовлетворенный реакцией своих торопливых собеседников, папа решил покинуть поле битвы и поднялся со своего места:

– Я считаю разговор законченным. Завтра я уезжаю в Рим.

– Это будет неосмотрительно с вашей стороны, – вдруг заявила Теодора.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что даже прославленному и отважному милесу чрезвычайно опасно пускаться в дальний путь в одиночку.

– Почему в одиночку? У меня не менее сотни человек охраны.

– Эта сотня римской милиции. Она подчиняется Сенату Рима, представителем которого в настоящий момент являюсь я. Эти люди останутся со мной, так как есть дела, заставляющие меня задержаться в Равенне.

– Вот как! – от неожиданности папа плюхнулся обратно в свое кресло, – благородные мессеры, я что,.... я ваш пленник?

Он снова оглядел собеседников. Беренгарий и Иоанн, очевидно, смущенные таким поворотом дела, безучастно смотрели в пол. Теодора глядела на Сергия с насмешливым вызовом. Примерно также на него смотрел и Петр.

– О чем вы говорите, Ваше Святейшество, – сказал Петр, – как можем мы в чем-то ограничивать епископа Рима, тем более в его свободе? Но важность и удобство момента, когда отсутствуют главные интриганы Италии, и, напротив, присутствуют светский и церковный властелины, вынуждают нас стремиться к тому, чтобы судьбоносные для Италии решения были приняты здесь и сейчас.

– Мне необходимо время для размышлений, – заявил Сергей и на это ему никто не посмел возразить.

Вернувшись в свои покои, папа ничком упал на постель. Чтобы не говорили ему сегодня, а он попал в самый настоящий плен. Он был один против сплоченного и, видимо, уже давно выстроенного союза. И никто ему не мог прийти на помощь, его соратники остались в Риме и в Лукке, и никто из них не ведал, что сейчас происходит в Равенне. Впредь ему будет наука, как пускаться в дальний путь без личной и верной охраны. Да что там, пусть даже без прямой поддержки, но хотя бы в присутствии враждебных друг другу партий, когда можно было бы ловко играть на их противоречиях и выходить из этих интриг победителем. Ведь насколько проще здесь стало бы выжить, окажись в Равенне в данную минуту вечная смутьянка Берта Тосканская! На нее хоть приятно смотреть, даже если она замышляет против тебя очевидную пакость. А теперь,.... теперь опасно даже вкушать подаваемую ему пищу и бродить в одиночку по коридорам равеннского дворца! Кто знает, какой сценарий у тюремщиков заготовлен на случай его неповиновения?

Косвенные признаки своего пленения папа Сергей ощутил уже на следующий день. Он мог свободно передвигаться по улицам Равенны, но обязательно в сопровождении слуг Теодоры. Его попытка выйти за пределы крепостных стен была пресечена вежливо, но решительно, а люди, следовавшие за ним, наотрез отказались выполнить его приказ покинуть город. Ближе к вечеру папа получил письмо с приглашением вновь встретиться в стенах базилики Сан-Витале. С тяжелым сердцем, не видя повода без страусиной тактики это предложение отклонить, Сергей на закате поплелся к восьмиугольному зданию церкви.

Все повторилось вновь. Его оппоненты заседали на него с теми же доводами, что и накануне. Сергей защищался теми же аргументами. Переговоры снова зашли в тупик, Петр Ченчи и Теодора к исходу беседы были до крайности раздражены упрямством папы и последняя уже подумывала пустить в ход свое тайное оружие, выданное ей Мароцией. Впрочем, это, наверно, явилось бы концом всякой дипломатии и могло скорее все поломать, чем преодолеть локаль-

ное сопротивление Сергия. Поэтому Теодора в итоге благоразумно отказалась от применения своего последнего, убийственного, как греческий огонь, довода.

Собравшиеся битый час беседовали под сводами величественной церкви исключительно одни, все слуги вельмож и отцов Церкви были выпровождены вон. Поэтому гневу властителей не было предела, когда в дверях внезапно послышался шум и какая-то возня.

– В чем дело, олухи? Вам же сказали убраться вон и не беспокоить нас, – прокричал нетерпеливый Петр.

Шум нарастал и вскоре до слуха собравшихся отчетливо донеслось:

– Мне плевать на ваши приказы! Я подчиняюсь только епископу Рима!

Сергий от неожиданности даже приподнялся со своего места – услышать это для него было слаще райских арф. Теодора же, напротив, бессильно, и закрыв лицо руками, в своем кресле была готова утонуть. Она моментально узнала этот голос. Как же ей было не узнать его, раз этот голос принадлежал ее мужу!

Двери с шумом распахнулись, и в собор твердой походкой вошел сенатор Теофилакт, граф Тусколо.

– Приветствую высокое собрание! Мой поклон Его Святейшеству и пожелания доброго здоровья! Мои приветствия королю Италию, благородному Беренгарию, храбрейшему королю из живущих под Большой Медведицей! Мой поклон вам, мессеры! – зычно проговорил Теофилакт, оглядев всех присутствующих и задержав на секунду взгляд на архиепископе Иоанне.

– Мое почтение ваше высокопреподобие! Разрешите вас поздравить с возведением вас в сан равеннского пастыря, которое с нетерпением ожидали мы все, – в голосе Теофилакты явно угадывался сарказм.

За всех отвечивал король Беренгарий.

– Мы приветствуем тебя, благородный Теофилакт, сенатор, консул, краса и гордость великого Рима! Мой двор, мои люди, мой стол, все к вашим услугам, благородный мессер! Каким благостным волеизъявлением Господа нашего мы обязаны вашему появлению здесь?

– Я здесь, ваше высочество, благородный король Италии, чтобы выполнить приказ моего господина, Его Святейшества, папы римского Сергия, и благополучно доставить его в Рим. С этой целью здесь я и двести преданных мне ланциариев¹⁹, – Теофилакт особо подчеркнул цифру, от которой лица присутствующих удивленно вытянулись.

– Достойная миссия, мессер Теофилакт, – сказал Беренгарий, а Сергий, решив, что сейчас не время и не место для соблюдения видимых приличий, быстро добавил:

– Я готов, сын мой, выдвинуться в Рим хоть сейчас и благодарю Господа за наличие у меня таких расторопных и ответственных слуг!

Теофилакт поклонился. Сергий встал из-за стола и церемонно раскланялся с оставшимися в зале. Лица последних в большинстве своем напоминали физиономию неудачливого охотника, чья добыча в последний момент ускользнула, на прощание приветливо помахав хвостом.

– Все вопросы, озвученные вами, я постараюсь незамедлительно осмыслить и свое решение о них вам передать, – отвечивал Сергий голосом, в котором высокое собрание заранее услышало ответ на свои запросы.

Когда стихли шаги удалившихся Теофилакты и Сергия, к присутствующим вернулся дар речи:

– Но как? Откуда он появился здесь? Как Сергий смог позвать его на помощь? Как Теофилакт успел так скоро очутиться в Равенне, да еще и с таким войском?

Вопрос «что теперь делать дальше?» даже и не задавался. Все искали объяснение случившемуся провалу так хорошо задуманной операции. Беренгарий и компания действительно

¹⁹ Копьеносцев (визант.)

рассчитывали измором добиться от папы Сергия озвученных ему целей. И эти цели были как никогда близки, близки настолько, что теперь каждый испытывал нечто наподобие шока, а на глазах несгибаемой Теодоры даже выступили слезы. Она молча сидела в своем кресле, слышала вопли и досадные стенания мужчин, и переживала случившееся едва ли не более всех. Ее взгляд вновь встретился со взглядом мозаичной императрицы. Та смотрела на нее теперь с отчетливым презрением, ясно давая понять, что одно и то же имя еще не дает оснований всякой выскочке считать себя ровней супруге великого Юстиниана.

«Сергий не мог отправить гонца к Теофилакту, а даже если бы и смог, мой муж с таким войском шел бы сюда не менее недели. Значит, он об этом знал заранее. Но если бы это было так, то он навряд ли бы отпустил Сергия и меня сюда вместе. Нет, он этого бы не сделал. Значит, он узнал об этом после нашего отъезда. Получается, что так. И кто мог его предупредить, что папу здесь ждет ловушка? Ни Адальберт, ни Альберих о нашей встрече ничего не знают, если... Если только они не получили известия о том, что Беренгарий направился в Равенну и не сделали далеко идущих выводов. Но они бы тогда действовали бы сами. Во всяком случае, Адальберт, который с моим мужем на ножах. Нет, что-то не сходится. Такое ощущение..... такое ощущение, что мне помешал кто-то, о ком я даже не догадываюсь».

Нельзя не восхититься логическим ходом мыслей этой женщины. Через несколько дней папа Сергий под громкие здравицы римлян торжественно въезжал в свой любимый Латеранский дворец, а консул Теофилакт степенно ехал позади его носилок. А еще через несколько дней, незамеченная никем, кроме римской городской стражи, в город вернулась Теодора Теофилакт. Всю дорогу она яростно кусала себе губы и, в конце концов, довела себя до головной боли от непрерывных размышлений.

«Кто же это мог быть? Кто-то из Сената? У нас сейчас, конечно, случайных людей и явных врагов там нет, но никому из них все равно до конца доверять нельзя. Однако ни один из них и близко не посвящался в эту тему. Кто же, кто же, Господи, дай мне знак, дай намек, кто это?! Кто мог разрушить такую славную комбинацию и спутать мне все карты, кто отобрал у меня и моего Джованни такую близкую тиару? Нет, ничего не приходит на ум. Остается затаиться и ждать, кто бы ни был мой враг, враг невероятно умный и расчетливый, он непременно еще раз проявит себя. И тогда берегись!»

Так думала Теодора Теофилакт во время своего ужина в доме, когда узнавала последние новости по своему обширному хозяйству, когда выслушивала доклады римских сенаторов по городу и друг на друга, когда вечером по завершению дня широким костяным гребнем расчесывала роскошные черные волосы своей старшей дочери.

В тот же день, когда Сергий и Теодора покинули Рим, Мароция, набравшись решимости, провела долгий и обстоятельный разговор с отцом. Благообразно опустив тему своих взаимоотношений с папой Сергием, она поведала ему о грядущих событиях в Равенне и о дальнейших перспективах альянса своей матери с Джованни да Тоссиньяно. Теофилакт к тому моменту уже успел получить от своих людей сведения о намерениях Беренгария посетить Равенну. По всему выходило, что папа Сергий неосмотрительно отправлялся навстречу неприятелям, объединенным между собой далеко идущими политическими и корыстными целями. Теофилакт отчаялся уже каким-либо образом им помешать, когда его пятнадцатилетняя дочь подсадила на удивление простое и эффективное решение.

Эпизод 7. 1664-й год с даты основания Рима, 24-й год правления базилевса Льва Мудрого (май 910 года от Рождества Христова)

Благословенным майским днем 910 года, под неутомимый щебет птиц, в тени источающих весеннюю свежесть деревьев, неспешно двигался отряд из двадцати вооруженных всадников, охранявших небольшой крытый экипаж, драпированный алыми шелковыми тканями. Внутри экипажа, закутавшись в изящную паллу и преследуя, тем самым, цель оставаться по возможности неузнанной, на подушках полулежала римская сенатрисса Теодора Теофилакт. Напротив нее сидела, поджав ноги, ее восемнадцатилетняя дочь Мароция, время от времени настороженно поглядывавшая на свою мать. Взгляд же самой сенатриссы равнодушно скользил по весенним пейзажам сначала Лацио, а потом Умбрии, не удостоивая ответным знаком внимания поклоны редких встречных путников, спешащих в Рим. Теодора мыслями вновь и вновь возвращалась к режиссированию предстоящего непростого разговора с человеком, давно не упоминавшимся здесь, на что он, кстати, имел бы полное право обижаться, если бы только знал и мог. Теодора и Мароция направлялись в гости к герцогу Альбериху Сполетскому, дабы попытаться разрешить крайне неприятную ситуацию, сложившуюся в их семье.

Прошло почти три года с момента неудавшейся попытки заговорщиков принудить папу Сергия к коронации Беренгария Фриульского и признать Иоанна, архиепископа Равеннского, своим будущим преемником на троне Апостола Петра. Если бы не несносные арабы в Гарильяно, можно было бы говорить о том, что на военно-политическом море Италии воцарился до подозрительного редкий штить. Беренгарий вернулся в свою Верону и на время отложил все мысли о возможной императорской коронации, которая, покуда здравствует нынешней папа, теперь представлялась мечтой совершенно несбыточной. Это, в свою очередь, давало возможность спокойно жить и растить своих детей графине Берте Тосканской, тем более, что муж ее, граф Адальберт, начал постепенно ощущать на себе груз прожитых беспокойных десятилетий и все более ценить свой досуг и достаток. Оба бургундских королевства погрязли в паутине своих внутренних интриг, и, казалось, совсем забыли о недавних притязаниях на Италию. Что же касается Рима, то здесь власть папы Сергия и консула Теофилакта с момента равеннских событий еще более возросла, их авторитет казался поистине непререкаемым, и это немало удивляло всех тех, кто помнил подробности Трупного синода и всего, что за ним последовало.

Церковь была в полном подчинении Сергию. Дела Рима шли настолько успешно, что, как это часто бывало ранее, и, как это будет повторяться в следующую тысячу лет, понтифик, на беду всем, все чаще начал находить у себя время на богословские споры с византийскими патриархами, признанными мастерами казуистики. Подобные споры, в корне своем не имевшие изначально полезного практического применения, исторически не приводили ни к чему доброму. Так случилось и на сей раз. Увязнув в переписке, Сергий, не найдя общего языка с восточными священниками и оскорбляясь малым почтением, оказываемым ему со стороны последних, не нашел ничего лучшего, как принять на вооружение точку зрения своего предшественника, папы Христофора, о «филиокве». В своих письмах в Константинополь Сергий не постеснялся резких слов в адрес знаменитого патриарха Фотия, который, по его мнению, поставил выше здравого смысла догматическое восприятие христианами Священного Писания и Второй Вселенский собор, состоявшийся в бородастые времена и без участия латинских богословов. Теперь же, по вдохновенно-образным словам Сергия относительно последователей Фотия, следовало *«извлечь из колчана Священного Писания острую стрелу, чтобы убить монстра, который снова восстал»*. Понятно, что защитники «монстра» с берегов Босфора

встренулись незамедлительно и в едких ответах своих сравнили папу с вольнодумцем Эриугеной²⁰, пообещав понтифику столь же бесславный конец. Этот выдающийся еретик, рожденный на Острове святых, как тогда называли Ирландию, полвека тому назад не на шутку взбаламутил веками заболоченное общественное сознание. Призванный Гинкмаром Реймским разрешить его спор о божественном предопределении с догматиком Готшалком, Эриугена настолько увлекся, что Церкви пришлось судить уже его самого, как еретика поклоняющегося Платону и ставящего греческий язык выше святой латыни. Труд Эриугены «О разделении природы» для своего времени был поистине революционным и, как настоящий пламенный революционер, он погиб от рук своих же собственных учеников, которые, по легенде, закололи его до смерти писчими перьями. Учитывая почти поголовную неграмотность в Риме, в том числе среди высшего духовенства, а также отсутствие у Сергия столь же верных последователей, угрозы обиженных восточных ортодоксов имели весьма скромные шансы осуществиться.

Со стороны могло казаться, и тому можно было найти тысячу аргументов, что полной хозяйкой Вечного города ощущала себя и Теодора Теофилакт. Но это было не совсем так. Да, Теодора в Равенне многого добила от папы для своего любовника, но ее неукротимое честолюбие не позволяло ей ощущать себя триумфатором тех событий, ведь конечной цели ее замыслы все-таки не достигли. Папа Сергий избегал встреч с ней, ее отношения с мужем после Равенны приблизились к точке замерзания и очень скоро Теодора почувствовала, как Теофилакт и Сергий начали планомерное давление на ее друзей в Сенате, стремясь ослабить влияние Теодоры на верховный орган управления Римом. Под разными благовидными предложениями из Сената были удалены пара-тройка ее друзей и, в частности, Кресченций, но, главное, Теофилакт, несмотря на чрезмерную занятость, вновь взял управление Сенатом непосредственно в свои руки, сократив до минимума случаи представления своей персоны женой. Также Теодора обратила внимание на схожую тактику папы Сергия в ведении дел Церкви – сохраняя внешне дружелюбные отношения с Равеннским епископатом, Сергий приостановил продвижение по иерархической церковной лестнице всех тех, кто являлся друзьями или сторонниками Джованни да Тоссиньяно, тогда как оппонент Иоанна, аббат Нонантолы, напротив, получил приличную сумму на содержание своего аббатства. По всей видимости, понтифик после равеннских событий уже принципиально был настроен против дальнейшего возвышения любовника Теодоры.

Практически единственным инструментом давления на Сергия оставалась Мароция. Однако, Теодору и тут поджидала неудача. Папа Сергий не принял ее любезного предложения об устройстве встреч с ее дочерью в стенах дворца Теофилактов. Кроме того, он отказался от дальнейшего обучения подростков из знатных римских семей и сенатриссе пришлось нанимать учителя из самого Константинополя для достигшей нужного возраста младшей дочери. Тем не менее, организовав осторожную слежку за Мароцией, Теодора установила, что, несмотря на заверения обоих, ее встречи с папой все-таки продолжаются, причем определенную, по-видимому, сводническую, роль играет и молодой служка папы Анастасий. Ложь своей старшей дочери Теодора посчитала верным объяснить желаниями плоти, и это было уже не первой ее ошибкой.

Именно проблемы, возникшие в ее семье, и побудили сегодня Теодору Теофилакт направить свой поезд в Сполето. Еще неделю назад она, самым пристальнейшим образом следившая за своей дочерью, заметила тревожные перемены в ее внешности. Ксения, нянька Мароции, находившаяся подле нее со дня ее рождения и души в ней не чаявшая, после строжайшего допроса Теодоры и озвученной угрозы быть вышвырнутой вон, призналась, что последние два дня ее молодая госпожа не расстается с тазом для умывания. Далее последовал пристрастный разговор с самой Мароцией, после чего Теодора с ужасом пришла к выводу, что старые

²⁰ Эриугена Скотт (ок.810 – 877) – блистательный мыслитель и богослов периода Каролингского возрождения.

дрожжи Сергия упали на благодатную почву. Следующие дни Теодора провела в глубоких, доводящих ее до мигрени раздумьях, прежде чем было найдено решение. Это свое решение она тоном, не терпящим возражений, объявила Мароции, и та, после недолгих терзаний, обреченно с ним согласилась. Не найдя иных вариантов, Мароция даже доработала идею матери, которая из некой абстракции превратилась во вполне конкретное предложение с заманчивыми перспективами на будущее. Остается только добавить, что, по состоянию на сегодняшний день, сам глава дома Теофилакт пребывал пока в счастливом неведении.

Теодора давно не виделась с Альберихом, меж тем как новости, приходившие в Рим из Сполето, давно не радовали всех тех, кто мог испытывать приятельские чувства к местному герцогу. Не верящий ни в Бога, ни в дьявола, высокомерный и циничный Альберих, сметавший, как пыль, врагов со своего пути и в какой-то период ставший уже было реальным претендентом на короны разного достоинства в Италии, вдруг сделался затворником в своем замке, где, по слухам, быстро и безнадежно спивался. В итоге дела в самом герцогстве покатались под гору. Так, соседний Беневент, на который Альберих мог претендовать по праву герцогов сполетских, окончательно прибрал к рукам Атенульф, герцог Капуи, и Альберих, ко всеобщему удивлению, даже пальцем не пошевелил, чтобы оспорить этот захват. Настроение хозяйина очень быстро прочувствовали прочие вассалы. Мелкие бароны, кутившие в свое время за одним столом в Сполето, теперь считали себя вправе устраивать переделы своих и соседских земель, занимались грабежом приезжих, и вершили только им самим понятный суд и законотворчество. В результате в Рим потоком шли жалобы от аббатов местных монастырей на притеснения, чинимые разгулявшимися местными князьками, которых вдруг некому стало приструнить.

Въезжая в пределы сполетского герцогства, наблюдательный глаз Теодоры даже в бытовых мелочах уловил подтверждение всем доносившимся печальным слухам. Некогда, да что там, еще менее десяти лет назад, самое могущественное государство в Италии находилось теперь в явном хозяйственном кризисе. Сам город заметно обезлюдел, но еще более изменился качественный состав жителей. Любой трудолюбивый колон, любой осмотрительный купец в эти годы предпочитали направить свои натруженные стопы и свой нехитрый скарб в Тоскану, в Лангобардию, даже в Капую, но только не в Сполето, которое теперь постепенно становилось пристанищем лихих людей со всех концов Апеннин.

Отряд Теодоры достиг Сполето уже перед закатом. На подъезде к нему их встретил малочисленный пикет, городская стража вяло поинтересовалась у гостей о цели их визита и почтиительно расступилась, услышав имя сенатриссы. Оставалось только гадать, как вел бы себя сполетский гарнизон и как оперативно реагировал бы, появившись вместо Теодоры отряд сарацин из Гарильяно. В городских тавернах между тем уже пьяной рекой лилось веселье, то там, то сям жаркий разговор уже переходил в грубую ругань, сопровождаемую нарочито визгливыми воплями подгулявших женщин. С момента появления экипажа Теодоры несколько дерзких мальчишек устремились параллельно ее карете и, не видя находившихся там, наперебой начали предлагать обитателям кареты уделить внимание бесспорным, по их мнению, достоинствам их сестер и даже матерей. Теодоре, чтобы прекратить это назойливое преследование, даже пришлось откинуть занавески своей кареты. Мальчишки разочарованно отстали, однако теперь Теодоре и Мароции пришлось видеть на себе угрюмые и однозначно хищные взгляды их отцов и старших братьев, недвусмысленное выражение их глаз свидетельствовало о том, что сенатрисса поступила крайне благоразумно, взяв в сопровождение достаточное количество стражи.

На городской площади выступали приезжие жонглеры. Впервые с момента появления Теодоры в городе, сенатрисса позволила себе улыбнуться. В церковном чопорном Риме выступления жонглеров были не то чтобы под запретом, но категорически не одобрялись церковью, и Теофилактам время от времени даже приходилось приглашать бродячих музыкантов лично к себе, чтобы послушать их дерзкие и полные свободы песни. Здесь же жонглеры высту-

пали открыто, и, судя по попеременно случавшимся взрывам хохота, имели неплохой успех. Теодора сделала знак своим людям остановиться и, улыбаясь, начала вслушиваться.

Молодой, кучерявый, быстроглазый остряк в зеленой рубахе, с улыбкой человека, не боящегося в этой жизни решительно ничего, теребил округлую с длинющим грифом гитару и голосил на всю площадь:

– Больше ада всех страшит нас герцога десница,
Но силен наш герцог только выше поясицы!

Теодора удивленно подняла брови, Мароция откинулась вглубь кареты, плечи ее затряслись от смеха. «Несчастный! Все тайное становится явным и, видимо, беда Альбериха известна даже последним его подданным. Тут поневоле запьешь!» – подумала сенатрисса и язвительно усмехнулась. В это же мгновение до ее слуха долетел следующий куплет:

– Дьявол папу пригласит к себе в гости очень скоро,
Папой выберем тогда шлюху Теодору!

Рукоплескания и хохот толпы заглушили музыканта. Теодора побледнела, один из ее слуг вопросительно оглянулся на свою госпожу, но та знаком приказала своему поезду двигаться дальше и улеглась на свои подушки. Настроение ее было безнадежно испорчено, мозг раз за разом назойливо повторял ей слова безродного шутника. Конечно, она могла бы распорядиться сейчас разогнать плетью нахальную сполетскую чернь, а самого оскорбителя доставить на суд к герцогу. Однако, она здраво рассудила, что таким образом можно разделаться с одним развязным жонглером, в то время как для всей толпы ее внезапное появление и скорая расправа будет только лишним поводом позубоскалить и хорошенько запомнить обидный куплет. Нет, пусть уж толпа живет своей жизнью, ее положение и цель ее приезда сюда не должны ей позволять опускаться до разборок с местным простонародьем.

В это мгновение она встретила взглядом с Мароцией. Дочь с нескрываемой иронией смотрела на нее, взгляд ее был красноречивее всех слов. Теодора вспыхнула.

– Послушай, милая! Мы приехали в эту дьяволом обласканную местность, наверное, не для того, чтобы мериться друг с другом масштабами своей распушенности. Не забывай, мы решаем здесь твою, подчеркиваю, твою проблему. Что же до толпы, то чернь всегда была и будет чернью, и успех любой женщины, толпа, в силу своего низкого удела и ограниченного разума, будет стремиться объяснить единственно ее постельными талантами.

– Вы всегда говорите мудрые слова, матушка, я всегда помню и ценю ваши наставления, как ничьи другие.

Теодора сменила тон.

– Вот и прекрасно. В этом мире, как я уже говорила не раз, чтобы чего-то добиться приходится идти на соразмерные и подчас крайне неприятные жертвы. Ты же мне задала ту еще задачу. Я до последнего выбирала тебе достойную партию в Риме, но ты своей неосторожностью испортила все. И опять же по причине твоей и только твоей строптивости мы не смогли воспользоваться услугами греческих лекарей, хотя они уверяли меня, что твою беременность можно было бы прервать без ущерба для тебя.

– Я никогда не пойду на это, – глубоко серьезным тоном сказала Мароция.

Теодора внимательно поглядела на нее.

– Ну что же, по крайней мере, грех прелюбодеяния не грех убийства, хотя и является также смертным. Сам папа Стефан, не тот, кто упражнялся в судилищах над трупами своих предшественников, а тот, кого воспитал библиотекарь, в свое время по этому вопросу высказался вполне исчерпывающе: «Si ille, qui conceptum in utero per abortum deleverit homicida est»²¹.

²¹ «Если кто посредством выкидыша устранил зачатое во чреве матери, он человекоубийца» – папа Стефан Пятый (? -891), «*Consulisti de infantibus*» (888 г.)

Но ты не оставила выбора ни мне, ни себе, а теперь мы пускаемся в заведомую авантюру, последствия которой сложно представить.

– По-моему, наш план безупречен. А если он вдруг не удастся, большой беды не будет.

– Меня удивляет, как спокойно ты об этом говоришь. Милая моя, ты меня пугаешь и даешь основания думать, что наш святейший папа далеко не единственный, кто посещает твое лоно.

Мароция, изобразив загадку на своем лице, улыбнулась, а, увидев хмурую реакцию матери, громко рассмеялась.

– Завидую тебе, как в свои годы ты легко воспринимаешь все жизненные проблемы. Ну ничего, Альберих, если примет наше предложение, тебя быстро вышколит. Он относится к той, достаточно многочисленной породе мужчин, которые, сами гуляя налево и направо, от жен своих требуют монашеской верности. Любой, даже самый невинный знак внимания чужому мужчине, оказанный их женами, такие, как Альберих, воспринимают как потрясение самих основ мироздания. Я уж не говорю об измене.

– Значит, задуманное нами рано или поздно закончится для меня большой проблемой?

– То есть, иными словами ты и не подумаешь, чтобы держать свои страсти взаперти?

– Помилуйте, матушка, разве возможно иное? Чем это будет отличаться от пострижения? Там, во всяком случае, ты строгостью спасаешь душу.

– А здесь строгостью ты добьешься большого почета и благополучия для тела. А также блестящего будущего для детей своих, по крайней мере для первенца. И выигранное время, поверь, также имеет немалую цену. Один Господь ведает о том количестве дней, каковы отмерены всем нам. Один он знает о путях наших.

В этот момент поезд римской сенатриссы достиг резиденции Альбериха. Приветственный зов рожка снял сонное, а скорее полупьяное оцепенение с охранников замка. После некоторой церемониальной прелюдии колесница Теодоры въехала на хорошо знакомый ей двор. Хозяин замка уже спешил гостям навстречу, на ходу одевая через голову котт поверх не первой свежести камизы²².

При беглом взгляде на Альбериха, Теодора еще раз удостоверилась в правдивости дошедших до нее слухов и на секунду у нее возникли большие сомнения в целесообразности ее предприятия. Разгульная жизнь герцога Сполетского везде поставила свои отвратительные печати на его лице. Альбериху было едва за сорок, но он выглядел не моложе папы Сергия. Глубокие морщины прорезали его лицо, глаза налились синеватыми отечными мешками, волосы на голове и борода, придававшие в свое время Альбериху исключительно мужественный вид, теперь же беспорядочно закосматылись, а сам герцог своим пьяным дыханием убивал все живое на расстоянии нескольких метров. Визит Теодоры и Мароции стал для него совершенно неожиданным, и он изрядно смутился своего вида перед столь блестящими женщинами, при любых обстоятельствах умевших себя подать по-королевски.

– Прекрасная, всегда милая моему сердцу Теодора! Очаровательная, как сама жизнь, синьорита Мароция! Не знаю даже с каким благословенным небесным знаменем сравнить ваше появление в моей берлоге! Признаться, я недавно с охоты и потому не ждал гостей, да к тому же таких гостей, иначе, иначе, было бы все иначе, – смущенно забормотал Альберих, тоскливо оглядываясь по сторонам и находя свой двор чрезвычайно загаженным, а своих слуг слишком замызганными и неприветливыми, чтобы достойно услужить требовательным гостям за герцогским столом.

Теодоре в какой-то момент даже стало жалко его. Еще больше ее пронзила жалость к своей дочери, решившейся обречь себя на сожительство с этим Минотавром. Тем не менее, справившись с первоначальными эмоциями, она намеренно не спешила снять неловкую ситу-

²² Котт – туника без рукавов, верхняя одежда. Камиза – нижнее белье, исподняя рубаха.

ацию, возникшую с их появлением. В конце концов, решила она, чем более будет принижен сейчас хозяин, чем больше почувствует всю свою нынешнюю ущербность и зависимость от нее, чем больше будет сейчас заискивать, тем больше шансов на успех ее дела. Поэтому она не спеша обошла окрестности двора замка, не побрезговав заглянуть в заведомо заброшенные и неблаговидные его места, чтобы еще больше смутить герцога, затем, наконец, соизволила вместе с дочерью войти в самую башню и с деланно-брезгливым видом расположиться в предложенном ей кресле. Мароция, заметив игру своей матери, аккуратно подыграла ей и осторожно уселась на самом краешке соседнего кресла, заметно опасаясь доверить тому одну из самых ответственных частей своего тела. Тут же мушиным роем засуетились вокруг гостей слуги, спешившие обставить стол. Теодора в течение всего этого времени по-прежнему сознательно держала на себе маску привередливой гостьи, и поданное ей серебряное блюдо было заменено, как не прошедшее дотошную ревизию на предмет чистоты. Дождавшись, когда слуги закончат свои хлопоты, Теодора затем позволила себе взглянуть на Альбериха, расположившегося на другом конце стола, и по одному виду его смущенных бегающих глаз поняла, что первый бой выигран, и герцог готов надлежащим образом воспринять ее слова.

– Вы плохо выглядите, мой дорогой друг. Вам надо прекращать ваше затворничество, – наконец произнесла она.

Альберих горько усмехнулся.

– Любой смертный завидует вашему положению, вашему достатку и вашему здоровью, мой друг. Запустить себя и свои дела таким образом, значит прогневить Создателя нашего.

– Вы проделали такой путь, Теодора, чтобы сказать мне именно это?

– Вовсе нет. Но я не ожидала увидеть вас и ваши дела в таком плачевном состоянии.

– Мы всегда рассчитывали на вас, зная ваш неукротимый отважный меч и верный щит, ироничный, острый ум и жажду деятельности, более прочих именно жажду деятельности! – подпела своей матери Мароция. Теодора успела уловить сиюминутный благодарный блеск глаз Альбериха.

– Эта жажда появляется, когда есть куда стремиться и чего хотеть! А куда стремиться мне? Блеск корон для меня с некоторого времени потерял всякую притягательность, да и в моем положении эта самая корона значит не более, чем ... ну, к примеру, ожерелье на вашей шее, юная Мароция. Вещь эта бесспорно красивая, но для хозяйства бесполезная. Золота же, хлеба и вина мне хватит до конца дней моих, а других радостей в жизни, увы, уже практически и не осталось. Не кривите губки, Теодора, во-первых, вам это не к лицу. А во-вторых, вы знаете, я нахожу мои нынешние дни более соответствующими учению нашего Господа, чем время, когда я столь яростно добивался этого треклятого герцогства. За последние годы, например, я не казнил ни одного даже самого отъявленного мерзавца среди своих подданных. Разве это не более угодно Господу, чем если бы я продолжал им отрывать головы как ранее, по суду и без, отделяваясь уплатой штрафа и подаяниями местным аббатствам, чтобы последние не писали в Рим и не жаловались бы нашей старой лисе в тиаре?

– И теперь ваши подданные, лишившись вашего суда и поддержки, защищают себя сами и режут друг друга, позабыв про закон и мораль! – сказала Теодора.

– Каждый пусть несет ответственность за собственные дела и поступки! А мне на это все наплевать! Я теперь живу мирно, и меня все устраивает.

– И все этоиз-за проклятия Агельтруды? – произнесла Мароция. Теодора напряглась, по ее мнению дочь поступила опрометчиво, и реакция герцога могла быть совершенно неадекватной.

Альберих испепеляющим взглядом наградил Мароцию за ее дерзкие слова. Однако затем, поглощенный новой волной лени и отчаянья, безнадежно махнул рукой.

– Вот уже и ваша дочь, оказывается, все знает про меня. Нечего было и рассчитывать, что все это останется в секрете, шила в мешке не утаишь. И что теперь скрывать, Теодора? Как

ни старался я сохранить эту проблему в тайне, она все равно выползла наружу и о ней узнали все. Долгое время я храбрился и продолжал устраивать у себя в замке буйные пиры, собирая в своих комнатах всех попавшихся в окрестностях Сполето шлюх, лишь бы никто не подумал, что у его высочества могут быть какие-то проблемы. Мои друзья весело, дьявольски весело проводили время! А я А я старался напиться как можно быстрее и безнадежнее, чтобы никто не заподозрил, что все эти ваши прелести для меня теперь ничто. Но так можно сделать один раз, другой, ну десятый, но все равно злые языки остановить невозможно, и вот уже до меня начал доходить один слушок, потом еще и еще, и снова, и опять. И вот уже кто-то, приняв за столом лишнее, распускает в моем присутствии странные намеки, а я даже не имею возможности снести ему его дерзкую башку и стараюсь придать его намеку игривую форму. Потом мне пришла в голову другая, более страшная мысль, и, чтобы только доказать свою силу и возможности, я, как и положено, с хохотом и похабщиной уводил во время пиров девок в свои покои, после чего они навсегда прощались с жизнью, унося с собой мой секрет.

Мароция содрогнулась и испуганно взглянула на мать, та пожала плечами, дескать, все это уже в прошлом. Альберих же, подливая вина себе в кубок, невозмутимо продолжал.

– Но опять же такое можно безнаказанно осуществить пару-тройку раз, а потом.... Потом кто-нибудь обязательно отыщет в моем поведении и смертях этих шлюх какую-нибудь закономерность, и уже тогда, как минимум, жди отлучения от нашего добрейшего папы. Так не лучше ли принять все, как есть, и предаваться тем удовольствиям, которые тебе под силу? Наверное, звучит пафосно и глупо, но я с удовольствием поменялся бы сейчас с любым здоровым, физически крепким простолюдином в обмен на эту фикцию, герцогскую корону, которую я могу водрузить себе на голову, подсунуть под зад, выбросить в окно, но от этого ровным счетом ничего не поменяется, ибо на мой трон, пока я жив, никто не рискнет посягнуть, а наследника у меня никакого нет и быть уже не может. Вот, кстати, о чем я сожалею более всего, вот для чего я готов поменяться своим местом, телом и душой с кем угодно, ибо тогда я бы вновь смог начать все сначала, тогда вновь вернулась бы ко мне эта ваша жажда деятельности, о которой вы тут говорите.

Теодора молчала. Надежда на успех ее миссии крепла с каждым словом Альбериха.

– Я вас напугал, милые донны? Вы пришли в ужас, услышав, что я убивал женщин только для того, чтобы сделать видимость для всех, что провел с ними ночь? Не переживайте. Это было уже давно, и к тому же я щедро заплатил их семьям, мать одной из потаскух потом даже упрашивала меня оказать внимание ее младшей дочери, у нее этих дочерей было чрезвычайно много, и она их готовила к соответствующему ремеслу, видя в их молодости залог своей обеспеченной старости.

Дрожь пробежала по спине невозмутимой с виду Теодоры, которая в этот момент ощутила некую общность интересов с этой неизвестной ей женщиной, по-своему решавшей свои семейные проблемы.

– Быть может, вам стоит жениться, Альберих? – наконец сказала Теодора, когда Альберих взял паузу в своем страшном монологе и начал жадно глотать вино из кубка.

Герцог хмыкнул.

– Ну, если только на той, которая дала обет целомудрия. Тогда у нас с ней будет союз и понимание. Правда проблему продолжения рода этот союз не решит.

– Я приехала к вам, мой друг, чтобы предложить вам руку моей Мароции.

Альберих даже поперхнулся вином.

– Верно ли я расслышал вас, Теодора?

– Вы все верно расслышали, друг мой. Я отдам вам мою Мароцию. А Мароция, уверена, вернет вас к жизни.

Возникла долгая пауза. Разум Альбериха решительно отказывался понимать мотивы Теодора и герцог решил, что либо гречанка задумала уж слишком хитроумную комбинацию, либо зеленый змей решительно законопатил ему мозги.

– Обворожительнейшая Мароция, скажите, что такого вы сделали своей матери, что она решила сослать вас к старому мерину?

Внезапно глаза его сверкнули страшной догадкой.

– Или вам захотелось герцогского титула, моя милейшая Теодора? И ваш нежный цветочек обучился всем премудростям своей матери, благодаря которым на тот свет отправился однажды даже сам епископ Рима?

Мароция метнула на мать ошарашенный взгляд. Чего только не узнала она за этот вечер!

– Свадьба, гульба, а затем пара капелек какой-нибудь дряни в мой кубок, и ваша дочь уже не только герцогиня Сполетская, но и безутешная целомудренная вдова!

– Прекратите нести пьяный бред, Альберих! – тихо, но предельно жестко сказала Теодора – нас могут услышать. Вам, быть может, уже и все равно, но у меня на жизнь другие планы.

– Опасения герцога Альбериха понятны и логичны, матушка, и нам необходимо до конца объясниться, – заговорила Мароция, и Теодора в ее голосе услышала родственные мяукающие нотки, именно таким тоном она сама в свое время убаюкивала непростых собеседников.

– Прежде всего, я спешу выразить вам, мессер герцог, почтение и свое восхищение. Вы всегда были другом нашей семьи, в вас всегда мы находили поддержку и словом, и делом. Не смущайтесь, что мне стала известна ваша тайна, дальше моих уст она не распространится. В тоже время я почитала бы за счастье разделить с вами определенные вам Господом дни, и вместе помочь преодолеть вам ваш недуг, а если на то не будет соизволения Божьего, то остаться подле вас, благородный и могущественный герцог! В подтверждении искренности моих слов служит наш приезд сюда, вопреки всем законам Рима я сама обращаюсь к своему возможному господину с просьбой принять душу мое в сердце свое, а тело мое в постель свою!

С этими словами, Мароция встала, подошла к Альбериху и опустилась перед ним на колени.

– Мароция, душа моя, мое сердце трепещет от одного вашего приближения ко мне. Счастлив тот, кто будет обладать вами. Но... Верно ли вы слышали про историю мою, готовы ли пойти под венец со мной, зная мою... неспособность удовлетворить желания ваши?

– Мне известно о ваших бедах, мессер, но со мной тоже произошло... нечто, и я надеюсь услышать от вас для себя подмогу и утешение, – Мароция поднялась с колен и вернулась в свое кресло, взглянув на мать и предоставляя той право продолжить разговор.

Альберих вопросительно уставился на Теодору. Та решила зайти издалека.

– По пути сюда мы слышали, как жонглеры потешаются над бедой своего сюзерена.

– Вот дьявол! Эти поганые рты уже ничем не заткнешь!

– Это можно сделать женитьбой, Альберих.

– Ну допустим. На некоторое время они заткнутся. Но что потом?

– Они заткнутся навсегда, если у вас родится ребенок.

– Знаете, мои милые девы, я очень люблю вас обеих, но уж простите сильно сомневаюсь, что Святой дух обещал посетить именно ваше семейство.

– Моя дочь беременна.

Альберих уставился на Теодору абсолютно непонимающим взглядом. Оцепенение сменилось взрывом хохота.

– Моя милая сенатрисса! И ты, уже помятое кем-то, нежнейшее создание! Вы что, считаете меня за идиота? Вы предлагаете мне взять на воспитание чьего-то бастарда, кормить и лелеять, и впридачу одарить короной герцога? Да за какие такие барыши? За ваши прелести что ли?

– Вы закончили, Альберих? – вновь самым жестким тоном произнесла Теодора.

Герцог покачал головой.

– Ну насмешили вы меня, донны. Пожалуй, немного вина не повредит. Эй, кто там есть! Теодора остановила его.

– Выслушайте нас до конца, а потом, если хотите, можете упиться в вашем сером, грязном замке в обнимку со свиньями, раз вы уже так махнули на себя рукой. Мы предлагаем вам новую жизнь и новые цели.

– Ваша новая жизнь мне уже не нравится, – съязвил Альберих, продолжая скалить свои желтые с черным налетом зубы.

– Так вот соберите ваши мысли воедино, герцог. У всех случаются препятствия, беды, трагедии, но одни находят в себе мужество преодолевать их, а другие скисают, как вино колонов, и годятся только на то, чтобы ими умывали руки. Встряхнитесь, Альберих, вспомните себя самого прежнего. У вас случилась беда, у нас тоже беда, давайте же поможем друг другу, тем более, что союз этот откроет для нас всех такие перспективы, о которых мы ранее не могли и мечтать.

– Вот уже который раз, на моем пути появляется некто, кто обещает мне радужные перспективы. Однажды сам нынешний папа обещал мне все короны мира. И ведь обманул, старый бабник!

– Ну а если представить, что этот папа вновь вам сделает подобное предложение? Предпочтете ли вы его принять или же загаженные вашими собутыльниками стены сполетского замка по-прежнему останутся милее?

Альберих вновь ухмыльнулся, но на сей раз в глазах его пробежала искра.

– Только честно, Альберих!

– Честно? Доброе предложение!

– В конце концов, что вы теряете?

– Да! Что я теряю? – воодушевился было Альберих, но вдруг быстро поник головой, – у вас богатое воображение, Теодора, спасибо, вы приободрили меня.

– Приятно слышать. Ну так узнайте же тогда, что у вас есть, наконец, отличные шансы напомнить папе об обещанном. Разумеется, если вы возьмете в жены мою дочь.

– Не вижу связи.

– Только потому, что не знаете, что этот ребенок от Сергия.

Альберих взглянул на Теодору как на умалишенную.

– Вы шутите?

– От Его Святейшества папы Сергия!

Альберих резко вскочил и зашагал по зале, все ускоряя шаг. Вдруг он резко остановился и расхохотался.

– Вот уж поистине семейка! Мамаша крутит задом перед этим здоровяком архиепископом, дочка же сделала своей забавой прелюбодействовать с папами Рима. В аду скоро будет не продохнуть!

– Нам понравилась ваша похвала, мессер герцог. Что еще скажете?

– Помилуй Бог, даже у старого мерина Сергия получилось то, чего лишен я, – Альберих раз за разом возвращался на все время мучающую его тему.

Мать с дочерью переглянулись.

– Да-а-а, беда, – вынесла свой вердикт Теодора, но Мароция предприняла еще одну попытку достучаться до разума Альбериха.

– Представьте же себе, могущественный герцог Альберих, какие дары принесет вам наш брак! Ваши недруги навсегда спрячут свои языки, увидя, что у вас родится дитя. О времени рождения не беспокойтесь, ребенок для всех непосвященных родится всего лишь на месяц-полтора раньше срока, это случается сплошь и рядом. Далее, вы получите возможность после рождения ребенка вернуться в Рим и стать главным претендентом на королевскую и импе-

раторскую корону, ибо сам Сергей не устоит от искушения помочь собственному сыну. Но, конечно, такой путь потребует жертв. Я готова ради этого принести в жертву тело свое и усмирить дух мой, от вас же потребуются принять в семью внука вашего старого друга.

Альберих впервые задумался.

– Сладко мурлычешь кошечка, очень сладко, – Альберих, погружаясь в раздумья, сам произносил эти слова как разомлевший кот, – вы, моя душа, конечно, решаете все свои проблемы, ничем не рискуете и при любых раскладах, как минимум, станете герцогиней Сполетской, а ваш сынок, зачатый в блюде с первосвященником, станет моим наследником. Мне же пока перепадают только ваши хлопоты и ваши сладкие обещания. А ну как если Сергей заартачится? Да и его ли этот ребенок?

– У нас есть доказательства, что верховный иерарх Церкви вступал в отношения с Мароцией. Но я уверена, что нам их не придется предъявлять. И я не вижу у Сергея оснований, чтобы не помогать своей любовнице и своему сыну. К тому же и внешние обстоятельства благоволят нам, Сергей и слышать ничего не хочет об императорских притязаниях Беренгария, не говоря уже об амбициях прочих лиц.

– То, что я не прихожусь потомком Карлу Великому, вы полагаете помехой не будет?

– Ну не стало же это помехой в свое время Гвидо Сполетскому, который Карлу Великому седьмая вода на киселе. Как не стало это помехой нашему сиятельному графу Адальберту тоже до последнего времени претендовать на что-то. Кстати, представляете, как вытянутся лица у тосканских и бургундских сеньоров при известии о вашем возвращении в свет и благоволении папы!

Альберих впервые рассмеялся от души.

– Ох и хитры же вы, греки! Гляди, что удумали! Я всегда говорил, что вы, Теодора, самая умная женщина на всем белом свете!

– Не совсем так. Я, конечно, собиралась устроить судьбу дочери, но именно Мароция предложила обратиться к вам, сразу увидев отменные перспективы такого брака. К тому же, она не уставала подчеркивать, что вы старый друг нашей семьи и ваше мужество и благородство стократ всем доказаны.

За всем пафосом, за всей мишурой великолепных планов просто необходимо делать порой дежурный частный комплимент оппоненту, особенно если он является лицом противоположного пола. Это всегда выглядит изящно, уместно и венчает собой кропотливо выстроенное здание убедительных аргументов. Альберих расшаркался перед Мароцией со всей грацией, на которую была способна его медвежья фигура.

– Появление наследника в Сполето утихомирят возможные буйные мечты ваших васалов, Альберих, – решила добавить еще немного сахара Теодора и просчиталась. Альберих вновь грозно нахмурился.

– Вы, благородный мессер, снова опасаетесь, что я, став вашей супругой, буду заинтересована в скором вдовстве? – Мароция разгадала сомнения герцога и решила, что лучше всего будет атаковать Альбериха в лоб.

– Постарайтесь успокоить мои страхи, душенька.

– Сполетское герцогство, бесспорно, заманчивый титул, но, как вам уже сказала моя матушка, мы рассчитываем на большее и здесь мы без вас также ничего не сможем, как вы без меня. Далее, моему сыну еще надо родиться и повзрослеть, прежде чем он сможет отстаивать свои права и титул. Пока он мал, родственники старой Агельтруды не оставят в покое Сполето и кто сможет лучше защитить герцогство, чем вы, мой милый друг? Наконец, я готова пить вино из одного кубка с вами и есть пищу с одного блюда до конца дней своих, вы можете приставить ко мне сколь угодно ваших верных слуг для присмотра.

Альберих внимательно изучал лицо Мароции на протяжении всего ее монолога.

– Но что за наказание мне будет видеть вас ежедневно подле себя, Мароция, и не быть в состоянии разделить с вами ложе!

– В некотором смысле это будет наказанием для нас обоих, – насмешливо ответила та. Теодора при словах дочери одобрительно кивнула.

Альберих подошел к Мароции. Та хотела опуститься перед ним на колени, но он удержал ее и взял за руки, глядя на нее влюбленными глазами подростка. Мароция постаралась во взгляде отразить взаимность, но у нее получилось неважно, так как от самого жениха и от его одежды исходили замысловатые, но не слишком приятные флюиды.

– Вот и славно! – сказала Теодора, – Помимо понятной радости за судьбу дочери, для меня огромное счастье видеть перед собой прежнего Альбериха. Я рада, друг мой, что вам вновь интересна жизнь, вам вновь небезразлично то, что происходит вокруг. Ваше герцогство пребывает сейчас в запустении, и, я надеюсь, союз наших семей исправит это положение в самое ближайшее время. Италия уже начала забывать о тех временах, когда наш альянс заставлял трепетать земли от Арля до Беневента, а папа римский, между тем, всерьез считает, что именно он и никто иной по сию пору управляет Римом. Ну что, напомним ему о себе?

– О, мне тоже есть ему что напомнить!

– Представляете, мессер, как обрадуется нашему браку отец мой?! – Мароция и Альберих продолжали держаться за руки. Однако лучшее вновь, как и в случае с Теодорой, оказалось врагом хорошему. Альберих, слегка помрачнев, спросил:

– А он знает о ваших шашнях с Сергием и сегодняшнем разговоре?

– Нет, в том порука слово мое. И он останется в неведении дальше.

– Согласен, так будет лучше. Завтра я отправлю ему письмо с прошением вашей руки, Мароция.

– Вы принесете тем большое счастье в наш дом, мессер.

– Как и вы в мой, прелестная дева.

Мароция нашла в себе силы и сама потянулась к Альбериху, раскрыв свои яркие вишневые губки. Альберих прилип к ним изголодавшейся хищной пиявкой. Теодора с интересом наблюдала как герцог, обхватив свою жертву, торопливо и бесстыдно перемещает свои руки по всему телу ее дочери. Что, если проклятие Агельтруды спадет именно сейчас?

Судя по всему, на это же рассчитывал и сам Альберих. Во всяком случае, ничем иным нельзя объяснить тот факт, что, когда их объятия с Мароцией расцепились, на лице герцога на мгновение появилась весьма кислая гримаса. Но это уже был не тот Альберих, что смущенно встречал дорогих гостей. К герцогу вновь вернулся вкус к жизни, его застоявшаяся в жилах кровь приятно и знакомо закипела и помогла Альбериху сбросить с души морок одолевавшего недуга. Хотя бы на время. Хотя бы так.

– Ну теперь то, мои разлюбленные донны, вы не откажете мне в счастье угостить вас моим вином? И последовать за мной прочь из этих затхлых стен, которые уже устали ждать свою хозяйку!

– Вы собрались куда-то идти, мой друг?

– В церковь Сан-Сальваторе²³, любезная Теодора, в церковь! В плену собственных восторгов и безумных планов, мы совсем позабыли того, кому мы прежде всего обязаны за покровительство и заботу! Клянусь Богом, священник церкви сейчас потеряет дар речи от размера моих пожертвований!

– Не знаю, как насчет речи, но сон вы ему сейчас точно испортите, – засмеялась Теодора. Мать с дочерью вновь переглянулись. Успех? Успех! Еще какой успех!

²³ Старейшая церковь в Сполето

Эпизод 8. 1664-й год с даты основания Рима, 24-й год правления базилевса Льва Мудрого (май 910 года от Рождества Христова)

По вполне понятным причинам обе стороны грядущего альянса постарались не тянуть со свадьбой. Уже на следующий день после возвращения Теодоры и Мароции в Рим сенатор Теофилакт получил письмо от Альбериха Сполетского. Совершенно не подозревая о закручивающихся внутри его семьи интригах, Теофилакт с нескрываемым восторгом принял известие о том, что его любимая дочь станет женой его старого и успешного друга – лучшей партии для Мароции он не мог и желать.

Среди итальянских магнатов весть о марьяже герцога Сполето и дочери консула Рима не вызвала какой-то особой реакции, по их мнению, стороны этим браком лишний раз подтвердили и упрочили свой старый союз. Достаточно положительно, но также в целом спокойно отнесся к новости Беренгарий Фриульский, для которого главной помехой на пути в Рим оставался папа. Однозначно негативно грядущий союз Рима и Сполето воспринял лишь Атенульф, герцог Беневента, его мечта прибрать к рукам на глазах дряхлеющее Сполето, по всей видимости, так и грозило остаться лишь мечтой.

Наибольшее оживление грядущая свадьба Альбериха и Мароции вызвала в самом Риме. Вздохом разочарования встречали эту весть пылкие сыновья богатых патрицианских семей столицы, в мечтах своих лелеявших заполучить красавицу-дочь самого могущественного человека в городе. Однако их отцы с пониманием отнеслись к выбору Теофилакта, который в их глазах совершил очередное восхождение по крутой и коварной иерархической лестнице Италии и, тем самым, обозначил свои возможные в недалеком будущем претензии на участие в судьбах коронованных особ Европы.

Глубоко оскорбленным в своих чувствах посчитал себя молодой династ²⁴ из византийского Коринфа, тщетно добивавшийся Мароции последние полгода. Известие о скором замужестве дочери консула Рима вынудило пылкого юнца в спешном порядке снарядить свой корабль. Отплывая на родину, он проклял и ветреную красавицу, и коварный Рим, и заодно папу Сергия, который в последнее время чуть ли не каждому путнику, направлявшемуся в пределы Византии, совал в руки письма, адресованные восточным патриархам, со своими размышлениями относительно «филиокве».

Ну а сам Сергей стал тем, единственным, для которого весть о замужестве Мароции и, как следствие, о скором и неотвратимом расставании с ней, действительно стала тяжелейшим ударом. Он, разумеется, ничего не знал о том, что именно стало решающим фактором, предопределившим выбор Теофилактов, поэтому посчитал, что ничего, кроме корыстных целей, за этим браком не стоит. Как юный отверженный романтик, он тщетно пытался встретиться со своей последней любовью, но Теодора сохраняла бдительность и, радушно встречая папу Сергия на пороге своего дома, всякий раз вносила в его душу печаль и разочарование, ибо Мароция под разными предлогами вечно отсутствовала. В один из жарких летних дней он, забыв про оффиции и мессы, почти пять часов находился в своих носилках возле дома Теофилактов, и до боли щурил свои подслеповатые глаза, пытаясь выискать в проходивших мимо людях ставший ему таким родным изящный силуэт его возлюбленной. Все тщетно. Службы он проводил теперь с крайним небрежением и неохотой, что вызвало в итоге даже удивление и раздражение паствы, наблюдавшей, как их духовный поводырь в этом мире бродит где-то очень далеко в своих размышлениях и менее всего в настоящий момент радеет о спасении их

²⁴ землевладелец

душ. Вечеров же папа боялся более всего, в эти минуты он оставался наедине со своими безжалостными мыслями, которые остервенело грызли его душу, и ему до смерти хотелось зарыться головой в подушки и выть, словно волк потерявший подругу.

Свадьбу успели сыграть еще в мае. Торжества проходили в сполетском замке, а обряд венчания совершил отец Константин, пресвитер церкви Сан-Сальваторе. Гостей издалека почти не было, на свадьбу прибыли вассалы Альбериха и несколько римских фамилий, особо приближенных к Теофилакту. Папа Сергей не мог, хотя и страстно желал, посетить свадебную церемонию, и поэтому ограничился передачей новобрачным дорогих подарков мещанского и духовного плана. В числе прочих Теодора увидела две подушки из папского дворца, те самые, которые в свое время послужили для нее доказательством отношений Сергия с Мароцией. Таким образом, понтифик постарался трогательно напомнить еще раз Мароции о себе. Та, увидев их, загадочно улыбнулась, небрежно погладила их шелковую, местами потертую поверхность, и отложила в сторону.

Свадебные церемонии того времени были, как и сейчас, довольны просты. После скоротечного обряда венчания, удачно вписавшегося в дневную мессу, молодожены и их гости проследовали в замок герцога, чтобы обильным застольем отметить это славное событие. Все, в общем, мало чем отличалось от пирушек, на которые горазд был Альберих в недавние времена. Разница заключалась разве что только в отсутствии девиц легкого поведения, о чем некоторые безмолвно сожалели, зато за столом в достаточном количестве присутствовали священники местных храмов, в такой день милостиво позволившие улаживать свой слух приглашенным предрозостным жонглерам, так часто на площадях итальянских городов позволявших несносные шутки в адрес Святой Церкви. Жонглерам со стороны устроителей было сделано соответствующее внушение о пересмотре своего репертуара и те, повздыхав немного, сократили его не менее чем наполовину.

Во время выступления одной из наиболее бойких групп жонглеров, к Мароции подошла ее мать и тихо осведомилась:

– Готова ли ты к долговременному посту, моя милая?

– Не совсем, матушка.

Теодора усмехнулась и, приблизив к себе Мароцию, шепнула ей:

– Я по одному виду твоему уже догадалась. Хочешь наестся впрок? Подсказываю идею. Взгляни на жонглеров. Видишь вон того, кудрявого паренька с гитарой в руке? Помнишь, как понравились тебе его песни в первый день нашего с тобой появления в Сполето? Прикажи моим слугам напомнить ему о его дерзости и запереть его в одну из темниц замка. Спустя время явись к нему неузнанной и ради его освобождения потребуй то, чего тебе никогда не даст твой муж. Да, кстати, как настроение у герцога?

– Мне временами его безумно жаль, а иногда он меня страшит. Он так много пьет! Его руки под столом бесконечно шалют с моими коленями. Эх, если бы он эти руки еще периодически омывал бы водой после съеденного мяса!

– Хм! Ладно, не ворчи. Давай лучше, не медли с этим жонглером, а с герцогом будь ласкова и аккуратна.

Спустя час Теодора поздравляла свою дочь с тем, как она ловко подготовилась к длительному воздержанию, а напуганный невероятными зигзагами своей судьбы молодой музыкант со всех ног улепетывал прочь из замка, на бегу давая себе обет покончить со своим вольнодумным уличным творчеством.

Ну а под занавес торжества новобрачные, как того требовали традиции, уединились в спальне сполетских герцогов. Альберих долго мялся, пока Мароция сама не предложила раздеться перед ним. Жестокий герцог расплакался как ребенок и ощущал себя Пигмалионом,

рассматривающим и ощупывающим свою Галатею²⁵, с той только разницей, что именно в нем самом заключалась неспособность любить. Мароция утешала его как могла, она спела и станцевала для него, а затем долго гладила его косматую голову, пока Альберих не сподобился на первые раскаты своего звериного храпа.

Свадебные торжества должны были продолжаться в течение недели, дабы каждый, уважающий себя и молодоженов, сеньор Италии мог бы выразить последним свое почтение. На третий день праздников случилось событие, заметно омрачившее настроение юной герцогини Сполетской и ее отца – в полдень Сполето торжественно встречал Иоанна, архиепископа Равеннского, в состав свиты которого входил его брат Петр Ченчи, высокий, как сам Иоанн, костистый, длиннолицый детина. Неприятности случились уже в самый момент представления второму лицу западной Церкви счастливых новоиспеченных супругов. Удивляясь красоте дочери своей возлюбленной, Иоанн не удержался, чтобы не шепнуть Мароции на ухо:

– Прекрасная Мароция, вы так похожи на свою мать. Глядя на это поразительное сходство, не удивлюсь, если ваши взгляды и вкусы также во всем совпадают.

Ответ никогда не шарящей по карманам в поисках дерзкого словца Мароции не заставил себя ждать.

– Увы, ваше высокопреподобие, но это не совсем так. Я, к примеру, люблю мужчин военных, как мой отец и мой муж, тогда как матушка моя в симпатиях своих все более предпочитает священников.

Иоанну потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться в новом для себя положении вещей, в котором дочь его возлюбленной навсегда покинула лагерь его возможных союзников. Сбросив с себя елейное выражение лица, он еще раз нагнулся к уху Мароции.

– Сдается мне, что и вам, милая, небезразличны священники, разве что, в отличие от своей матери, вы предпочитаете среди них лиц подряхлее, хотя и повыше саном.

За сим он оставил Мароцию в полном остоленении. Неужели у ее матери нет абсолютно никаких секретов от этого Тоссиньяно, раз она даже о таких пикантных темах не сочла нужным умалчивать? Мароция надолго задумалась, обдумывая планы скорейшей и жестокой мести.

Сам Иоанн, будучи человеком, умело сочетающим в себя отвагу и осмотрительность, а также во всем доверяющий своему брату, не замедлил воздать должное своему новому врагу. Подойдя к Петру, он, в приватной обстановке, попросил того о следующем:

– Брат мой, наша новая герцогиня, по всей видимости, очень любит своего отца и будет всячески чинить препятствия и нам самим, и нашим отношениям с Теодорой. Я прошу тебя, среди всего этого бесконечного пьянства и веселья, найди у себя время и силы проследить за ней, пока мы в ее замке.

Вечер этого дня заканчивался традиционной гульбой. Винные подвалы Альбериха казались неисчерпаемыми, громоздившиеся на столе туши домашних животных и дичи весомо свидетельствовали о профессиональных добродетелях местных охотников и крестьян. Хмелели хозяева, хмелели гости, речь с каждой минутой становилась все громче, глупее и бессвязнее, неумоимо работали жонглеры самых разных направлений – от меланхолических музыкантов до пошлых фимеликов и мимов.

В самый разгар веселья центральную залу замка покинула Теодора. Ее муж ухода жены даже не заметил, будучи до крайности увлеченным разговором с Альберихом, зато Мароция сразу почувствовала неладное. Когда спустя четверть часа из-за стола встал, умильно благословляя упившееся общество, архиепископ, Мароция уже поняла все. С большим трудом она выждала в зале еще несколько минут, после чего постаралась также незаметно улизнуть отсюда. Выбравшись в лабиринт темных коридоров замка, она, не зажигая факела, ускоренным шагом

²⁵ Пигмалион – герой древнегреческого мифа, который влюбился в созданную им скульптуру девушки Галатеи. Богиня Афродита, сжалившись над Пигмалионом, оживила Галатею и та стала его женой.

направилась к покоям, где остановилась ее мать. Чтобы не быть услышанной ей пришлось снять обувь, что было в достаточной степени смелым поступком, если учесть, что каменные плиты полов замка не блистали чистотой, а в закоулках свободно валялся разного происхождения мусор, наткнувшись на который можно было запросто поранить себе ноги.

Помещения в жилых крыльях замка, предназначенные для размещения гостей, располагались по обеим сторонам коридоров, лучами расходящихся от центральной зоны этажа, где находилась винтовая лестница, идущая вверх и вниз. Запасные проходы на соседние этажи размещались в противоположных концах коридоров, по соседству с отхожими местами. Мароция, добравшись до главной винтовой лестницы, убедилась в том, что охрана в центральной зоне безалаберно отсутствует. Этот факт ее вполне устроил, так как менее всего в этот момент ей хотелось быть кем-то замеченной. Она осторожно выглянула в коридор, ведущий в спальню Теодоры, и остаток сомнений ее окончательно покинул. Мароции удалось заметить, как массивная дверь покоев ее матери уничтожила лучик света, за мгновение до этого робко и ненадолго осветивший коридор. На сей раз она опоздала, пытаться любой ценой сорвать свидание своей матери с архиепископом в планы Мароции не входило, и ей не оставалось ничего иного, как вернуться к гостям, обдумывая по пути, что ей стоит предпринять в дальнейшем. Зная изобретательный характер семьи Теофилактов, можно было не сомневаться, что новый план будет ей создан.

Утром следующего дня гостей Сполето ждали охота и другие развлечения на открытом воздухе, ну а вечером все, как обычно, собрались на традиционное застолье. Мароция уже после второго тоста выразила желание уйти к себе, сославшись на легкое недомогание. На самом деле она прошла к своему верному слуге Клименту, и знаком пригласила его следовать за собой.

Они прошли в центральную часть того этажа, где находились покои Теодоры. Здесь по-прежнему не было охраны, два факела тускло чадили, едва рассеивая темноту возле себя и стущая ее на отдалении. Спрятавшись за винтовой лестницей, Мароция приказала Клименту сохранять полное молчание, чтобы ничем не выдать себя. Спустя полчаса они услышали чьи-то легкие шаги. Мароция узнала свою мать.

– Оставайся здесь. Моя мать сейчас вернется в пиршественную залу. Как только ты увидишь, что высокий человек в блио проследует по дальнему коридору в направлении покоев моей матери, иди немедленно в общий триклиний. Проси свою госпожу и мою мать срочно вернуться в свою опочивальню, не говоря «зачем» и «почему».

Сама же Мароция решительным шагом направилась вслед за Теодорой. Открыв дверь, она увидела, как ее мать уже успела начать приготовления к предстоящему свиданию – волосы сенатриссы были распущены, ложе расстелено.

– Прошу прощения, матушка, что я вторгаюсь к вам, но отец и герцог Альберих послали меня за вами. Они ждут от вас совета и помощи в каких-то делах, в которые решили меня не посвящать. Я сопровожу вас, – добавила она, поклонившись.

Теодора, состроив досадливую гримасу, на секунду задумалась. Мароция поняла, что она опасается вместе с ней встретить крадущегося им навстречу архиепископа.

– Знаешь что? Раз дело срочное и секретное, пойдем по запасной лестнице, возможно, герцог и твой отец не хотят, чтобы меня видели посторонние.

Этот ответ Мароцию вполне устраивал.

– Как вам будет угодно, матушка, – согласилась она.

Они вышли из спальни Теодоры, и Мароция заметила, что мать не стала запираеть дверь. Спускаясь по ужасно неудобной винтовой лестнице черного хода, Мароция на полпути нашла предлог задержаться.

– Простите, матушка, но не в моем состоянии устраивать бега по винтовой лестнице. Я немного задержусь, – сказала она, жестом указывая на отхожее место.

Теодора ушла одна. Мароция же мигом, действительно в этот момент рискуя своим здоровьем, бросилась бежать вверх. Сейчас ей жизненно необходимо было успеть.

Ворвавшись в спальню, она чуть не крикнула от радости. Спальня была пуста. Пяти минут ей хватило на то, чтобы до минимума погасить все масляные свечи в комнате, скинуть с себя свои громоздкие одежды, смочить себя ароматическими зельями своей матери и, распустив волосы, улечься в ее постель спиной ко входу, постаравшись унять свое бешено колотящееся сердце. Все приготовления к мести были завершены.

Прошло около четверти часа, и Мароция уже успела прийти к выводу, что на сей раз она обманулась в своих ожиданиях. Она нервно кусала свои губы и понимала, что ситуация может измениться совершенно в другую сторону, если ее мать поспешит вернуться к себе. Вдруг у нее перехватило дыхание. Она услышала, как тихо-тихо скрипнула входная дверь, и чей-то шепот достиг ее слуха.

– Теодора!

Мароция, не оборачиваясь, махнула гостью рукой, призывая его поскорее войти. Гость был послушным, он закрыл дверь и начал шуршать своими одеждами.

– Я заждалась тебя, – осмелилась шепнуть в ответ Мароция.

Каждый мускул ее тела напрягся от волнения и ненависти, когда она почувствовала, что кто-то ложится рядом с ней. Горячие ладони заскользили по ее телу, волосы Мароции ощущали на себе чужое дыхание, чьи-то шершавые губы коснулись ее шеи. Мароция начала в мыслях своих гнать скорее своего слугу за Теодорой, страстно призывая свою мать вернуться, но ту, видимо, и в самом деле убалтывал сейчас словоохотливый Альберих. Меж тем ласки пристроившегося к ней епископа становились все развязнее. Мароцию сковал ужас от осознания положения, которое она сама создала, наступала, по всей видимости, пора открыться, а желаемая цель так и не была достигнута. В ее душе кипящим маслом поднималась и усиливалась ненависть к человеку, который осмеливается приходить к чужой жене, тогда как муж ее, находясь совсем рядом, благодушно и ни о чем не подозревая пьет вино. Эта ненависть позволила ей несколько собраться с духом и продолжать терпеть подле себя этого Тоссиньяно, бормочущего ей на ухо всякий любовный вздор.

Но все когда-либо, рано или поздно, кончается, и вот, хвала Небесам, раздался такой долгожданный скрип входной двери и в спальню вошли! Мароция торжествующе повернулась лицом ко входу и не смогла сдержать крик ужаса, вырвавшийся у нее из груди. В комнату вошел архиепископ Иоанн.

Мароция повернулась к тому, кто был все это время с ней рядом. Черные, масляные глаза его смотрели презрительно и нагло. Это был Петр.

– Нашей новой герцогине очень не достает мужской ласки, – сказал он запредельно издевательским тоном.

– Наша герцогиня хотела подстроить нам западню, но попалась сама, – в тон ему продолжил Иоанн.

– Где моя мать? – почти крикнула Мароция.

– Не кричите, моя милая, это совершенно не в ваших интересах. А ваша матушка находится там, куда вы ее послали, в компании вашего батюшки и герцога. А хотите мы их всех позовем? – говорил Петр, пытаясь продолжить так внезапно прерванную прелюдию.

Мароция отпихнула его в сторону.

– Альберих снесет твою мерзкую башку!

– Может да, а может и нет. Мы тоже умеем неплохо владеть мечом. А вот чья башка, простите, чья прекрасная головка, точно отделится от своего не менее прекрасного тела, так это у вас, моя милая. Альбериху будет очень занятно выслушать историю, как вы здесь оказались. И чьи-то мечты тогда точно пойдут прахом, особенно, если рассказать все и всем.

Мароция завyla от горечи и закрыла лицо руками.

– Ваш отец будет также в восторге от ваших походов, милое и глупое создание, вознамерившееся вредить нам. Еще бы, – продолжал уничтожать Мароцию Петр, – вместо будущего наследника великого сполетского герцогства получить ублюдка от престарелого папы Сергия!

Воздуха! Воздуха! Услышав эти слова ей перестало хватать воздуха. Ее мать даже это рассказала своему любовнику! Зачем?!

– Где мой слуга Климент? – спросила Мароция.

– Отдыхает в одном из коридоров замка, думаю, что у него немного болит голова. Славный замок вам достается, мое развратное и самоуверенное дитя. Обязательно приведите его в порядок и, прежде всего, сделайте так, чтобы в коридорах замка было светло и стояли стражники. Иначе ведь кто угодно может в темных закоулках спрятаться и подслушать все ваши секреты. Особенно, если этого очень захотеть.

К раздавленной и уничтоженной Мароции подошел Иоанн. Он бесцеремонно поднял ее голову за подбородок и долго всматривался в ее заплаканные глаза.

– Впредь вам будет наука, дитя мое, – сказал он, – Мой брат прав, вы, Мароция, слишком юны и неопытны, чтобы пытаться играть в мужские игры. Не беспокойтесь, ваше герцогство останется с вами, морочьте Альбериху голову столько, сколько сможете. Представьте себе, мы вас в этом будем только поддерживать. Но ваш проступок требует вполне заслуженного вами наказания, а вы, брат мой, сегодня оказали мне неоценимую услугу и поэтому наградите себя ею.

С этими словами Иоанн вышел из спальни. Мароция не успела опомниться и осознать смысл произнесенных архиепископом слов, как Петр, схватив ее за плечи, уложил на простыню, скрутил ей руки и склонился над ней, дрожа от вождления.

На следующий день поезд благочестивого архиепископа Равеннского покинул Сполето. Само собой разумеется, отъезд высокого гостя сопровождался необходимым церемониалом и напутствиями со стороны семейства герцога, а также его преданных вассалов. На протяжении всего длительного процесса взаимных благодарностей и благословений, Иоанн не спускал глаз с юной герцогини. Он был уверен, что Мароция сохранит события вчерашнего вечера в секрете от своего отца и мужа, слишком многое она теряла в случае взаимных разоблачений, и в слишком невыгодном свете представляла тогда перед обоими. Но вот вероятность выяснения отношения с матерью была велика, и Иоанн даже вздохнул с облегчением, когда понял, что Мароция решила на сей раз затаиться ото всех. Конечно, это совсем не решало проблем, вдруг обнажившихся в семье Теофилактов и грозивших вылиться в полновесный кризис между Равенной, Сполето и Римом, но, по крайней мере, давало некоторую временную отсрочку. В любом случае, Иоанн стал первым, кто увидел нового, предельно амбициозного и опасного, несмотря на всю свою ангельскую внешность, игрока на политической арене. Последние минуты его пребывания в Сполето окончательно укрепили архиепископа в этом мнении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.